ВЛАДЛ·ТЕЛЪ ОСТРОВОВЪ, ПОЛ·МА 7. ŠЕСТИ ПЛ·СНЯНЪ. ВАЛТЕР СКОТТА

Walter Scott

ВЛАДѢТЕЛЬ ОСТРОВОВЪ,

ПОЭМА

ВЪ ШЕСТИ ПѢСНЯХЪ.

ВЛАДѢТЕЛЬ ОСТРОВОВЪ,

ПОЭМА
ВЪ ШЕСТИ ПѢСНЯХЪ.

ВАЛТЕРА СКОТТА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Мед.-Хир. Академіи.

1827.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Декабря 28 дня, 1826 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ

Дмитрій Перевощиковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дѣйствіе сей поэмы происходитъ сначала въ замкѣ Асторнишѣ, на границахъ Графства Аргильскаго; потомъ на островахъ Ски и Арранѣ; при берегахъ Графства Аирскаго и наконецъ близь Стирлинга.

Дѣйствіе начинается весною 1307 года, въ то время, когда Брюсъ, прогнанный Англичанами изъ Шотландіи, возвращается съ острова Рахрина, чтобъ объявить на престолъ права свои. Большая часть лицъ

и произшествій въ сей поэмѣ суть историческія. Сочинитель побужденъ былъ къ изданію ея Лордомъ Гайльсомъ (Hailes), котораго можно назвать возобновителемъ Шотландской Исторіи, (такъ какъ Брюса возобновителемъ Монархіи), и Архидіакономъ Барбуромъ, отъ котораго мы имѣемъ исторію Роберта Брюса въ стихахъ.

Аббошсфордъ, 10 Дек. 1814 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Проходитъ осень. . . . ; но ея лиственный покровъ еще покоится на рощахъ благороднаго Соммервиля. Пурпуровая ткань, усѣянная золотомъ, разпростирается надъ Твидомъ и водами платящими ему дань. Свистъ аквилона и ревъ водопада раздаются въ отдаленіи; но иногда еще слышится умирающая гармонія лѣсовъ. То вздохи дикаго голубя и рѣзкіе крики реполова. Солнце, скрывающееся за горами Этрикскими, еще сіяетъ блескомъ удаляющагося лѣта.

Прошла осень. . . . ; сельскія пѣсни долинъ Гала уже не веселятъ береговъ

нашихъ. Радостные напѣвы не смѣшиваются съ ропотомъ ручья, съ легкимъ дуновеніемъ вѣтра. Уже умираютъ ихъ отзывы послѣдніе. Скрыпучая возница покоится подъ кровлею. Все тихо на равнинѣ пустынной; одни старики, подбирая колосья забытые, провожаютъ блѣдную осень.

О вы, для которыхъ имѣютъ прелесть сіи картины печальныя, любите ли пробѣгать увядшія владѣнія осени, любите ли взирать на верескъ, засохшій на холмахъ, слушать умирающую гармонію лѣсовъ? Любите ли смотрѣть на красный листъ, увядающій на своемъ стеблѣ? удивляться послѣднимъ лучамъ солнца на вершинахъ горъ, слѣдовать взоромъ за старцами, подбирающими колосья, и разсуждать объ

удовольствіяхъ и горестяхъ жизни? — Ахъ! если вы любите сіи картины, то не отвергайте пѣсни Барда.

Нѣтъ, не отвергайте ее. Я признаюсь, что переливы дикаго голубя пріятнѣе его неискусственныхъ звуковъ; красы его пѣсенъ блѣднѣе, нежели лучь солнца заходящаго на облачномъ небѣ осени и рѣже изсохшихъ листьевъ, колеблющихся отъ дыханія вѣтра Ноябрскаго; но не презирайте ее. Уединенный собиратель колосьевъ пробѣгаетъ поля, опустошенныя вѣками, гдѣ Барды щасщливѣйшіе собирали прежде богатыя жатвы.

Вы не безъ участія будете слушать простую повѣсть славныхъ дней Албіона. Въ сихъ отдаленныхъ странахъ, презираемыхъ жителемъ Юга, еще

вторится эхо древняго преданія. Когда послѣдніе лучи солнца блѣднѣютъ за вершинами Коолина, древніе разсказы сокращаютъ вечерніе часы предсказателя Скяйскаго. Они знакомы въ пустыняхъ Реай, въ Гаррисѣ и въ храмахъ Іоніи, гдѣ благородный владѣтель острововъ забываетъ горести жизни.

ВЛАДѢТЕЛЬ

ОСТРОВОВЪ.

ПѢСНЬ I.

«Пробудись, дщерь Лорна!» пѣли Барды, и звуки сіи раздавались подъ древними сводами Асторниша.

Море, омывающее твои стѣны, извергаетъ на берегъ однѣ безмятежныя волны, какъ бы желая сочетать гармонію океана съ сими звуками; вѣтры стихли на вершинахъ Инвимора и въ рощахъ берега Лохъ-Алинскаго, какъ бы лѣса и волны любили внимать Бардамъ. Никогда эхо горъ не повторяло звуковъ, болѣе

пріятныхъ. Шотландія и острова Россъ и Агранъ, Илай и Аргиль соединили своихъ Бардовъ для празднованія сего торжественнаго дня. Стыдъ вѣчный тому изъ нихъ, который не отвѣтствовалъ на зовъ сей, нечувствителенъ былъ къ славѣ, къ улыбкамъ красавицъ, благороднѣйшей цѣли его пѣсней; стыдъ вѣчный Барду безмолвному въ замкѣ Асторнишѣ.

II.

«Проснись, дщерь Лорна, повторяли Барды, проснись! Мы должны прогнать сонъ отъ твоего ложа дѣвственнаго, мы, которымъ все покоряется. Воздухъ, земля и океанъ признаютъ власть нашу. Робкій олень Леттермора останавливается при нѣжныхъ звукахъ нашихъ арфъ; тю-

лень Геискара (1) слѣдуетъ за ладіей Барда; въ Бенъ-Кальяхѣ часто видали, какъ гордый орелъ внималъ имъ съ высотъ облачныхъ. А юная невѣста не ужели останется нечувствительною къ нашимъ пѣснямъ! Дочь Лорна, проснись при звукѣ нашихъ арфъ!

III.

«Проснись! жемчужная роса уже разсыпалась по окрестности. Природа представляетъ намъ красоты, достойныя спорить съ твоими; пѣснь дрозда соотвѣтствуетъ твоему прекрасному голосу; — блескъ, которымъ она украсила фіалку, споритъ съ сіяніемъ очей твоихъ. О, проснись, Эдифа! и мы тогда увидимъ, если все прекрасное, все трогательное въ природѣ не покорится твоимъ красамъ.»

«Она еще спитъ, вскричалъ старый Феррандъ; други, извлечемъ звуки болѣе нѣжные, мелодію болѣе сладостную снамъ красоты; она возбудитъ въ сердцѣ ея надежду, которую желаетъ и страшится ощутить она. Сказалъ — и звуки нѣжные вырываются изъ-подъ струнъ его арфы. То сладостная пѣснь любви, которую Феррандъ повелѣлъ начать.

IV.

«Проснись, дочь Лорна! быстро текутъ послѣдніе часы твоего дѣвства. Проснись! — Уже приближается та минута любви, которая приметъ твои обѣты. Разорви узы сна той стыдливостію, которая невольно возвышаетъ грудь твою, той надеждой, которая скоро украситъ боязнь дѣвическую. Проснись! любовь тебя призываетъ.»

«Проснись, Эдиѳа! уже вижу я у береговъ ладіи, покрытыя флагами; уже радостный *Пиброкъ* раздается и флюгера развертываются въ воздухѣ; но кто тотъ, въ честь коего Пиброкъ поётъ пѣснь славы? какому воину принадлежатъ гербы, на знаменахъ вытканные? не Барду на это отвѣчать: любовь должна угадать сію тайну.»

V.

Эдиѳа, удаленная въ кругу своихъ наперстницъ, услышала сіи пѣсни. Но равнодушіе ея сильно бы опечалило Барда, когдабъ увидѣлъ онъ, что ланиты ея не блистали румянцемъ стыдливости; когдабъ онъ узналъ, что звуки, самые нѣжные не могли исторгнуть изъ груди ея ниодного вздоха. Напрасно наперстницы съ искусствомъ старались украшать

невѣсту. Котлина Ульмская, ты заплела ея черные волосы; юная Эва склонившись съ пріятностію, надѣла на нее шелковую обувь; прекрасная Берта украшала ее нитями жемчуга Лохъ-Ріанскаго, уступавшаго въ бѣлизнѣ ея прелестямъ; Эйніона, самая искусная изъ нихъ, покрыла станъ ея величественною мантиліею, которая обрисовала ея прелести сокрытыя.

VI.

Существуетъ ли дѣва, украшенная всѣми прелестями, всѣмъ блескомъ красоты, которая при приближеніи торжественной минуты любви и соединенія была бы столь равнодушна, что видѣла лице свое, отраженное въ вѣрномъ стеклѣ, ни мало неизмѣнившимся отъ тайнаго удовольствія сердца? .. — Бардъ можетъ сказать лишь то, что на островѣ

Британіи находилась прекрасная Эдифа Лорнъ, которая даже и не улыбнулась при мыслѣ о своемъ бракѣ.

VII.

Морагъ, которой Баронъ Лорнъ ввѣрилъ дѣтство своей дочери, и которая видѣла, что ея материнская нѣжность была вознаграждаема любовью взаимною; (ибо союзъ сей всегда почитается священнымъ въ Шотландіи), Морагъ, уже согбенная лѣтами, стояла въ отдаленіи, и старалась прочесть на чертахъ Эдифы все происходившее въ ея сердцѣ. Напрасно спутницы призывали на помощь искусную и добрую кормилицу; Морагъ видѣла, что дочь ея была равнодушна къ симъ стараніямъ, что сердце Эдифы не принимало никакого участія въ сей пышности; но уже брачная одежда была надѣта, а

Морагъ еще не сводила съ нее глазъ своихъ; она прижала ее къ груди и повела въ уединенную башню, коей зубчатый верхъ, подобно исполину, терялся въ облакахъ и господствовалъ надъ мрачнымъ проливомъ Мульвскимъ (2), гдѣ бушующія волны смѣшиваютъ свой глухой ревъ и раздѣляютъ черные утесы отъ береговъ Морвенскихъ.

VIII.

« Дочь моя, сказала она, взгляни на море, омывающее берега двухъ сотъ острововъ (3) отъ Гарша, самаго сѣвѣрнаго, до плодоносныхъ и зеленыхъ береговъ Илайя; обрати взоръ свой на твердую землю, гдѣ множество феодальныхъ башенъ признаютъ власть твоего храбраго брата; отъ Мингари, зàмокъ котораго возвышается надъ волнами и лѣсомъ, до Дун-

стаффнежа, который слышитъ свирѣпаго Коналла, сражающагося съ утесами. Думаешь ли ты, что во всемъ пространствѣ сихъ земель находится суровое чело, дерзнувшее бы омрачить тотъ день, въ который дочь благороднаго Барона Лорна отдаетъ руку свою наслѣднику могущественнаго Соммерледа (4), великодушному Рональду, потомку героевъ, прекрасному, храброму владѣтелю островов, имя котораго тысячи Бардовъ прославляли, который равенъ съ Королями гордыхъ Англичанъ. Отъ дворца вельможи до хижины бѣднаго; вездѣ радуются и говорятъ о семъ щастливомъ союзѣ. Юная дѣва украшается уборами праздничными; пастухъ зажигаетъ радостные огни; охотничій рогъ раздался въ лѣсу; колоколъ стонетъ съ самаго утра, для торжествованія сего ве-

ликаго дня, и святой служитель алтарей поётъ гимнъ благодарственный. Всѣ, даже до послѣдняго раба, скрывающагося въ пустынномъ удаленіи, всѣ забываютъ свои горести, желая принять участіе въ семъ великомъ днѣ. Одна Эдиѳа, царица сего праздника, одна печальна среди радующихся.

IX.

При сихъ словахъ взоръ Эдиѳы одушевился; гнѣвъ подавляетъ вздохъ, готовый вылетѣть изъ груди, и рука ея быстро отираетъ горячую слезу обиженной гордости.

« Остановись, Морагъ! пусть Барды расточаютъ продажныя похвалы свои, пусть пышность и величіе превозносятъ они юнымъ дѣвамъ; — пусть проводятъ цѣлые дни въ разсказахъ о развѣвающихся знаменахъ и

рѣзкомъ звукѣ трубъ, о блестящихъ уборахъ и драгоцѣнностяхъ; но ты, Морагъ, ты, которая меня знаешь, не ужели думаешь, что сіи предметы суетные могутъ тронуть сердце, знающее любить и тщетно ожидающее нѣжной взаимности. Нѣтъ, въ немногихъ словахъ ты могла бы выразить все нещастіе Эдифы, сказавъ: ее не любятъ.»

X.

«Не оспоривай меня!.... съ давняго времени именемъ любви старалась я обратить на себя его взоры и почтеніе; я восхищалась союзомъ, который съ раннихъ лѣтъ позволялъ мнѣ надѣяться быть нѣкогда супругою Рональда. И между тѣмъ, какъ рука его сражалась за Шотландію, сердце мое билось при его имени, которое смѣшивалось со славою, подобно слад-

кому благовонію съ лѣтнимъ вѣтромъ. Какой путникъ вступалъ въ замокъ, не разсказавъ какого нибудь славнаго подвига Рональдова? Какой Бардъ, воспѣвавшій героевъ, не пѣлъ его добродѣтелей? И ты, Морагъ, ты сама всегда оканчивала свои славные разсказы именемъ Рональда. Онъ явился — и всё, что я слышала о его высокихъ качествахъ, все было ниже ихъ. Слава была холодна, скромна, несправедлива для Рональда.

XI.

Съ тѣхъ поръ какая другая мысль занимала меня, какъ не мысль любви? И чтоже было моею наградою? Холодныя отсрочки, безпрестанные предлоги, чтобъ удалить день нашего брака. Наконецъ онъ сіяетъ, сей торжественный день, а Рональ-

да еще нѣтъ! Преслѣдуетъ ли онъ легкаго оленя Бенталлы? — Прощается ли въ уединенномъ убѣжищѣ съ легковѣрною красавицею, клянясь ей, что не можетъ отвергнуть руки сестры Лорновой (5); но что послѣ брачнаго обряда онъ снова возвратится, дабы никогда не оставлять ее.»

XII.

«Удали сіи мысли, любезная дочь, оставь сіи обидныя подозрѣнія и думай благороднѣе о любви Рональда. Обрати взоръ свой на сей древній замокъ, и взгляни на флотъ, выходящій изъ гавани Арроской; смотри, какъ мачта каждой галеры склоняется подъ разпущеннымъ парусомъ; онѣ скрываютъ отъ насъ синеватый берегъ, подобно бѣлымъ облакамъ Апрѣля, застилающимъ собою лазурь небесную.

Взгляни на первую изъ нихъ, коей мачта склоняется отъ дуновенія вѣтра; она, кажется, преклоняетъ флаги, чтобъ изъ дали привѣтствовать невѣсту своего Государя. Твой супругъ приближается, и между тѣмъ, какъ галера его летитъ по волнамъ быстрѣе рѣзваго бѣгуна, онъ все еще жалуется на долговременность хода.» Прекрасная Эдифа покраснѣла и вздохъ съ горестной улыбкой были отвѣтомъ ея.

«Лестная, но обманчивая мысль. Нѣтъ, Морагъ, вотъ эмблема его поспѣшности, гораздо вѣроятнѣйшая: видишь ли сію удалившуюся ладію, которая, поднявъ паруса, борется съ вѣтрами. Съ самаго начала дня мы желали узнать путь, ею предпринятый. Обѣщанія зари насъ обманули; наша рейда представляетъ хорошее убѣжище отъ вѣт-

ровъ прошивныхъ; но они удвоивають силы, натягивають паруса шумящіе и стараются достигнуть открытаго моря, какъ будто Асторнишъ опаснѣе вѣтровъ и камней подводныхъ.«

XIV.

Юная невѣста сказала правду. Судно, которое онѣ видѣли, боролось съ волнами, и наклоненное однимъ бокомъ къ морю, блуждало отъ берега къ другому. Бардъ могъ бы сравнить путь, который оно пробѣжало, съ браздами плуга бѣднаго земледѣла. Опасности всюду угрожали кормчему; волны, тѣснимыя моремъ, обливая рифы, доставали иногда боксприповъ; но неутомимый экипажъ дѣйствовалъ съ возможнымъ стараніемъ, иследовалъ пути назначенному, вмѣсто того, чтобы

спѣшить къ замку Асторнишу или въ гавань Арроскую.

XV.

Между тѣмъ флотъ Лорда Рональда приближался, сопровождаемый вѣтромъ попутнымъ. Шелковые, золотомъ украшенные флаги, развѣвались на мачтахъ. Сіи корабли несли благороднѣйшихъ и славнѣйшихъ Рыцарей острововъ. Море реветъ, кипитъ вокругъ галеръ и презираетъ вторимые удары веселъ. Такъ въ день боя трепещетъ гордый конь: онъ скачетъ подъ храбрымъ Рыцаремъ и грызетъ удила, убѣленныя пѣною; но усмиренный, онъ повинуется рукѣ путеводительницѣ.

Сталь копій блестѣла на всѣхъ палубахъ; пестрѣли золотые шлемы, кольчуги и вышитые шарфы; флотъ вошелъ въ гавань среди бушева-

нія вѣтровъ. Торжественныя пѣсни разлилились надъ туманами береговъ Салина Скальястля. Стихло эхо Морвенское при сихъ звукахъ, и въ Дуартѣ былъ слышенъ плескъ волнѣ мрачнаго пролива Мульскаго.

XVI.

Такъ приближался сей радостный флотъ, и если взоры воиновъ иногда обращались на барку, игралище волнъ, они изображали сіе презрительное равнодушіе, которое оказываетъ богачь при видѣ раба, продолжающаго свои работы. Еслибъ они знали, кого несетъ сія утлая ладія, то не оставили бъ ее безъ помощи. Скорѣе волкъ, влекомый гладомъ въ долину, пощадилъ бы овецъ беззащитныхъ. И ты, Рональдъ, удались отъ пѣнія бардовъ. Для чего не извѣстно тебѣ, кто находится въ сей

ладіѣ; заблистали бъ взоры твои и чело покрылось бы яркимъ румянцемъ, вмѣсто того, чтобы показывать притворную радость жениха, приближающагося къ своей невѣстѣ.

XVII.

Пусть они продолжаютъ свой путь... Я не оставлю нащастныхъ для слѣдованія за торжествующими. Пусть радость сопровождаетъ сей блестящій флотъ; пусть барды украшаютъ праздникъ своими пѣснями, славными разсказами и гимнами торжественными; пусть радостныя восклицанія заглушаютъ сердце, если не могутъ разсѣять его заботъ.... Я буду слѣдовать за легкимъ челномъ, угрожаемымъ скалами и пучинами. Усталые гребцы презираютъ опасности; юная дѣва проливаетъ слезы.

XVIII.

Весь день экипажъ употреблялъ тщетныя усилія; стремнины, которыя онъ долженъ былъ преплыть, были чрезвычайно быстры: взошедъ въ проливъ, ладія подвержена была вѣтрамъ противнымъ. Волны, подобно обломкамъ копій въ битвѣ жаркой, поднимались въ воздухѣ. Изчезли послѣдніе лучи солнца. Южный вѣтръ съ большею силою завывалъ въ скалахъ Иннимора. Парусъ былъ разорванъ; мачта качалась; волны, входя большими отверстіями, наполняли лодку. Трепещущій кормчій устремилъ взоръ на руль, добычу волнъ.

XIX.

Тогда воинъ, коего ни ужасъ, ни усталость не могли поколебать,

съ покойнымъ взоромъ сказалъ кормчему: « братъ, надѣешься ли противустоять волнамъ до первыхъ лучей солнца и избѣгнуть скалъ, насъ окружающихъ; не чувствуешь-ли ты, какъ судно колеблется подъ нашими стопами; бока его трещатъ отъ послѣдняго натиска волнъ. Что намъ осталось еще предпринять; ты видить подлѣ меня нещастную Изабеллу, полумертвую отъ ужаса. Море, скалы, небо, покрывающееся черными и густыми тучами, все являетъ намъ отчаянье и смерть.

Одна Изабелла тревожитъ меня. Но я... хотя бъ всѣ ужасы земли и моря соединились для моего преслѣдованія, то и тогда не поколебался бы я. За тобой всюду послѣдую; хотя бы должно было выдержать бурю, плыть къ этой башнѣ непріятельской, или броситься посреди се-

го флота, прервать радость кликами воинскими и умереть съ оружіемъ въ рукахъ. »

XX.

Твердымъ голосомъ отвѣчалъ братъ его: « Небо часто въ самыхъ ужасныхъ опасностяхъ являетъ помощь людямъ. Эдуардъ, постарайся собрать разорваный парусъ, я стану править рулемъ, и мы будемъ продолжать путь подъ вѣтрами; симъ избѣгнемъ западной губы, непріятельскаго флота и боя неравнаго. Я направлю нашу галеру къ стѣнамъ зáмка, ибо если есть еще малѣйшая надежда къ спасенію, мы должны его найти именемъ нещастныхъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе и требующихъ убѣжища. Еслижъ гостепріимство здѣсь не почитается, пріобрѣтемъ его си-

лою мечей нашихъ, или умремъ съ оружіемъ въ рукахъ.»

XXI.

Тогда руль, упревляемый мощною дланью, заставилъ судно повиноваться ея намѣреніямъ; быстро плыло оно, съ шумомъ разрѣзывая волны. Море, раздѣляемое кормою, блестѣло ложными огнями океана — молніей горкой влаги (6). Искры сыплются изъ раздробленныхъ волнъ, бока корабля освѣщаются симъ блескомъ магическимъ; блѣдный свѣтъ сей блеститъ ужасомъ и отражается во мракѣ ночи. Можно было думать, что дряхлый океанъ, завидуя метеорамъ, пересѣкающимъ ночной горизонтъ Геклы, стрясалъ съ чела своего сіи огни синеватые.

XXII.

Но свѣтъ, гораздо вѣрнѣйшій, показывалъ путь ладіѣ посреди мраковъ ночи. Асторнишъ, казавшійся висящимъ между небомъ и океаномъ, былъ освѣщенъ тысячью огней, коихъ блескъ далеко разливался по землѣ и морю. Галера направила путь къ сему благотворному свѣту, смѣшанному съ блѣдными лучами луны, коей кругъ уже возвышался надъ скалами востока.

XXIII.

Скоро достигли они берега. Часто вторимые клики радости смѣшивались съ шумомъ вѣтра, съ ревомъ волнъ, съ зловѣщимъ крикомъ ночныхъ птицъ, которыя, казалось, оспоривали клики празднества; подобно пѣсни погребальной, внезапно прерывающей восклицанія радости,

Приближаясь къ берегу, они замѣтили сквозь туманъ и бурю мрачную башню, предъ ними возвышающуюся; тѣнь ея далеко легла на океанъ. Трепещущій свѣтъ тысячи факеловъ, отражаемыхъ моремъ, казалось, игралъ на груди его; а сіи быстрыя, скоропреходящія молніи, на волнахъ блиставшія, напоминали суетныя удовольствія сея юдоли слезъ, которыя прельстивъ насъ на мгновеніе, изчезаютъ!

XXIV.

Они пристали къ тихой гавани подъ стѣнами Асторниша. Проходъ, изсѣченный въ скалѣ, велъ къ крѣпости по узкой и крутой лѣстницѣ, такъ что достаточно было одного человѣка, вооруженнаго сукомъ дубовымъ, чтобъ защищать оный отъ

копій и мечей цѣлой тысячи и низвергнуть ее въ бездну морскую.

Кормчій протрубилъ въ рогъ свой. Эхо башенъ, моря и скалъ съ грохотомъ повторило звукъ сей. Дверь потаенная заскрипѣла, покатилась на своихъ петляхъ и скоро факелъ кастеланскій освѣтилъ скользящія ступени лѣстницы.

« Трикраты благословенъ приходъ твой, святой отецъ, сказалъ онъ: всѣ приготовленія къ браку уже сдѣланы. Ваша медленность насъ безпокоила; мы опасались, чтобы ночной вѣтръ не занесъ куда вашего судна.»

XXV.

« Кастеланъ, отвѣчалъ юный странникъ, твоя ошибка могла бы развеселить день праздничный; но въ такую бурную ночь, когда раздраженные вѣтры бушуютъ на сушѣ и морѣ,

не должно позволять себѣ шутокъ подобныхъ. Только помощи и ночлега требуемъ мы для сей дѣвицы; чтожъ до насъ, то корабельныя доски столь же мягки намъ, какъ и мохъ, лобзаемый зефирами Мая. Мы ищемъ убѣжища отъ вѣтровъ для нашего судна, и когда первый лучь солнца освѣтитъ востокъ, снова мы пустимся въ путь.»

Кастеланъ отвѣчалъ: «чьимъ именемъ требуете вы гостепріимства? Откуда вы идете, куда направляете путь свой? Эринская гавань видала ли ваши паруса разпущенные? Вѣтры ли Норвежскіе принесли васъ сюда?— Ищете ли вы плодоносныхъ долинъ Англіи или горъ Шотландскихъ?»

XXVI.

«Мы воины, принявшіе на себя обѣтъ; вотъ единственное имя, ко-

торымъ можемъ называться мы въ теченіи нѣкотораго времени. Слава улыбалась намъ и въ бояхъ и въ буряхъ. Довольно сихъ словъ для душъ благородныхъ, чтобъ дать намъ убѣжище и приемъ братскій. Вотъ, на какомъ имени основывается наше требованіе; вы не откажете намъ въ семъ благодѣяніи, и наша благодарность прославитъ васъ въ странахъ отдаленныхъ. Въ случаѣ противномъ, жилище ваше будетъ вѣчно презираемо душами благородными, и пилигримъ, посѣтившій страну сію, убѣжитъ отъ вашихъ стѣнъ безжалостныхъ.»

XXVII.

«Гордый странникъ!... нѣтъ, при словахъ твоихъ какая дверь останется запертою?... Хотя ты и говоришь болѣе царскимъ, нежели умо-

ляющимъ голосомъ, но въ сей торжественный день за̀мокъ Асторнитъ отворенъ для всѣхъ. Хотябъ ты былъ врагомъ сильнаго Короля Англійскаго, нашего союзника; хотябъ ты надѣлъ кольчугу противъ знаменитаго Лорна; хотябъ ты былъ изъ числа бѣглецовъ, скрывающихся въ лѣсахъ съ жестокимъ рыцаремъ Еллеслійскимъ, участникомъ той битвы, въ которой палъ Коминъ отъ руки убійцы Брюса, — то и тогда сіе убѣжище было бы для васъ отверзто.

Вассалы! примите гостей сихъ; отворите имъ дверь темной лѣстницы.

XXVIII.

Тогда два брата сошли на землю. Усталый экипажъ остался на суднѣ для охраненія. При блескѣ факеловъ, коихъ унылый свѣтъ, затмѣваемый дымомъ, отражался на морѣ, — одинъ изъ рыцарей вынесъ на

берегъ юную, полумертвую дѣву. Голова ея опустилась на широкія плеча воина и кудри волосъ разсыпались по его латамъ, подобно дикой лозѣ винограда, поддерживаемой дубомъ утеса. За братомъ своимъ слѣдовалъ другой рыцарь, болѣе пожилой, и въ мощной рукѣ держалъ широкой мечь; немногіе бы могли владѣть такимъ оружіемъ; и если дѣйствовалъ имъ храбрый, шлемы самые крѣпкіе, щиты самые твердые не могли противустоять его ударамъ.

XXIX.

Они проходятъ сквозь рѣшетку и дверь, закрываемую желѣзными полосами; проходятъ подъ толстымъ сводомъ, уставленнымъ бойницами, въ которыхъ становятся стрѣлки, въ случаѣ если измѣна или сила проведутъ враговъ сквозь сіи двери. Но

теперь все пусто; проходы свободны и беззащитны. Странники пришли въ пространную комнату, гдѣ оруженосцы, конюшіе, пажи и слуги торжествовали праздникъ.

XXX.

« Остановитесь здѣсь, сказалъ имъ Кастеланъ; я пойду извѣстить господина моего о вашемъ прибытіи; а вы, товарищи, перестаньте смотрѣть на сію молодую дѣвицу и сихъ странниковъ взоромъ удивленія; какъ будто никогда не видали вы блѣдной женщины, утомленной моремъ, или воина съ видомъ суровымъ! «

Не смотря на приказанія Еашина, пажи и вассалы не удалялись отъ гостей новопришедшихъ; они окружили странниковъ, какъ люди, коимъ учтивость была совершенно не-

извѣстна. Но пылкій Эдуардъ съ сердцемъ сорвалъ разноцвѣтный плащь съ одного изъ нихъ и покрылъ имъ сестру свою, чтобъ скрыть ее отъ взоровъ любопытныхъ. Братъ его, примѣтя, что Шотландецъ засверкалъ глазами, отвѣчалъ ему въ короткихъ и строгихъ словахъ:

«Вассалъ! знай, что мантія, украшающая твоего повелителя въ сей торжественный день, была бы болѣе прилична покрывать сію дѣвицу.»

XXXI.

Гордо, но тихо говорилъ онъ; въ глазахъ его блистало какое-то важное достоинство; его поступь была благородна; въ ней видно было какое-то величіе и превосходство надъ

душами низкими. Всѣ коварные взгляды, усмѣшки, все утихло и собравшіеся вассалы разошлись другъ за другомъ, какъ стадо ланей робкихъ. Тогда явился Сенешаль. Онъ получилъ приказаніе отъ своего Барона проводить странниковъ въ залу пиршества, гдѣ готовились праздновать торжественный бракъ государя острововъ съ Эдифою, его прекрасною невѣстою. Тамъ былъ братъ ея и множество славныхъ рыцарей, цвѣтъ морей и странъ западныхъ.

Конецъ первой пѣсни.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ПЕРВОЙ.

1. *Пар.* II. Тюлени одарены вкусомъ къ музыкѣ, какого совсѣмъ не льзя ожидать отъ ихъ образа жизни и нравовъ; они долго слѣдуютъ за лодкой, въ которой играютъ на какомъ либо инструментѣ. Довольно самыхъ простыхъ звуковъ, чтобъ привлечь ихъ.

2. *Пар.* VII. Проливъ Мульвскій, раздѣляющій островъ одного съ нимъ имени отъ твердой земли, представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ предметовъ на островахъ Гебридскихъ.

3. *Пар.* VIII. Число западныхъ островонъ Шотландіи простирается до 200 (*Мартинъ. Описаніе Гебридскихъ острововъ.*)

4. *Пар.* VIII. Соммерледъ былъ Танистъ(*) Аргиля и владѣтель островов, около половины XII вѣка; его потомокъ, герой сей поэмы, носилъ имя Ангуса д'Огъ; но мы замѣнили оное Ронaльдомъ *Euphoniae gratia*.

5. *Пар.* XI. Домъ Лорна произходилъ, такъ какъ и владѣтеля острововъ, отъ Соммерледа.

6. *Пар.* XXI. Сей феноменъ, называемый матросами *морскимъ огнемъ*, есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ при островахъ Гебридскихъ. Иногда океанъ кажется совершенно освѣщеннымъ вокругъ корабля, и длинна я полоса огня слѣдуетъ за нимъ во мракѣ. Это фосфорическій свѣтъ, причина коего еще не совершенно объяснена натуралистами. Намъ кажется, что сіе произходитъ отъ быстраго движенія корабля, когда волны моря напитаются пометомъ рыбъ или другими животными частицами.

(*) Наслѣдникъ.

Сіе мѣсто напоминаетъ описаніе морскихъ змѣй Коллериджа (Автора Кристабеля), въ истинно поэтической балладѣ стараго моряка:

Beyond the shadow of the ship
J watched the warer-snakes, и проч.

т. е.

Я зрѣлъ, вилася какъ змѣя
За мрачной тѣнью корабля:
Какъ бѣлый отблескъ оставляла
На вѣлнахъ моря за собой,
Какъ голову приподнимала,
Бросая искры подъ водой.

ПѢСНЬ II.

I.

Наполняйте чаши, покрывайте столы праздничные, собирайте всѣхъ любящихъ удовольствія, Рыцарей, да́мъ; восторги радостные и гармоническіе звуки пусть торжествуютъ отсутствіе заботъ; но не спрашивайте, присутствуетъ ли щастіе на праздникѣ; сей смѣхъ не есть ли тягостная личина печали; и сіи свѣтлыя лица выражаютъ ли чувства сердечныя. Не поднимайте завѣсы очарованной... Довольно знать, что въ сей краткой жизни нѣтъ ни одного мѣста, которое бы сохра-

нило насъ отъ печалей, сего удѣла смертныхъ!

II.

Звукъ бокаловъ, пѣснопѣнія Бардовъ, всѣ удовольствія тѣхъ древнихъ временъ, торжествовали бракъ владѣтеля острововъ; но взоры его были мрачны и безпокойны; чело, покрывавшееся поперемѣнно блѣдностію и румянцемъ, показывало чувства, не соотвѣтствовавшія щастію праздника. Иногда онъ останавливался на минуту, чтобъ послушать пѣнія Бардовъ, или смѣшныхъ разсказовъ шута, тщетно старавшихся его развеселить; но сіи пѣсни и разсказы едва касались его слуха и были подобны тѣмъ невнятнымъ звукамъ, которые слышимъ мы во снѣ. — Иногда внезапно вскакивалъ онъ, возбуждалъ радость своею живостію, дружелюбно бесѣдовалъ

съ рыцарями, заставлялъ пѣть Бардовъ, и, будучи шумнымъ, казалось, болѣе всѣхъ предавался радости.

III.

Собесѣдники не удивлялись симъ порывамъ внезапной радости и мечтательности продолжительной. Они приписывали его разсѣянность мыслямъ о тѣхъ сладкихъ удовольствіяхъ, которыя онъ долженъ былъ скоро вкусить; а радостные восторги почитали они признакомъ щастія юнаго супруга. Но не они одни ошибались. Самъ гордый Лорнъ, столько же подозрительный, сколько надменный, и прекрасный рыцарь Аржантинъ (1), присланный Англіею для заключенія союза, думали видѣть въ Рональдѣ восторги и безпокойство любовника.

Но было сердце, отягченное горе-

стію, взоръ наполненный слезами, который проникалъ сію тайну и съ безпокойствомъ взиралъ на странную и непостоянную горесть юнаго супруга.

IV.

Эдифа замѣчала сіе.... но она избѣгала его взглядовъ. Рональдъ съ своей стороны не встрѣчалъ взоромъ взоръ своей невѣсты; наконецъ глаза ихъ встрѣтились — и ударъ копья непріятельскаго былъ бы легче для владѣтеля островов. Онъ затрепеталъ и сдѣлалъ усиліе сердечное, чтобъ принять трудную роль, которую онъ долженъ былъ играть. Вставши изъ за стола, громко произнесъ онъ:

«Пусть наполнятъ ту большую чашу (2), которая принадлежала нѣкогда великому Соммерледу; пусть вино закипитъ на ее краяхъ разно-

цвѣтною пѣной; пусть жемчугъ, ее украшающій, отразится въ пурпуровой влагѣ. За васъ пью я, храбрый рыцарь, за васъ любезнѣйшій братъ; за ваше здоровье и за славное соединеніе нашихъ домовъ симъ счастливымъ бракомъ.»

V.

«Пусть чаша пойдетъ кругомъ, отвѣчалъ Лорнъ, сіе желаніе весьма кстати. Но звукъ рога возвѣщаетъ намъ прибытіе Аббата; наконецъ пріѣхалъ сей монахъ, столь долго заставившій насъ себя ожидать.»

Рональдъ услышалъ звукъ рога — и чаша, которую онъ не поднесъ еще къ устамъ, вырвалась изъ рукъ и покатилась къ ногамъ его. Но когда Кастеланъ сказалъ, кого возвѣщаетъ рогъ сей, то радость его снова заблистала, подобно Май-

скому солнцу, проходящему сквозь густое облако. Обладатель двухъ сотъ острововъ благословляетъ минуту отсрочки, подобно преступнику, ожидающему часа своей казни.

VI.

« Радуйтесь Лорнъ, вскричалъ онъ, и вы всѣ, благородные рыцари. Случай, для умноженія числа собесѣдниковъ, посылаетъ намъ двухъ воиновъ, возвращающихся изъ странъ далекихъ, и которые, какъ говорятъ, доказали храбрость свою на сушѣ и на морѣ. Пусть дадутъ имъ мѣста̀, достойныя ихъ сана; скажите, что мы благословляемъ ихъ прибытіе. »

Тогда Сенешаль (3), неся серебряную трость, съ важностію подошелъ къ странникамъ. Онъ легко угадалъ, какое мѣсто должны были они занимать. Хотя богатый мѣховой под-

бой ихъ плащей былъ разорванъ, хотя ихъ платье было изношено и пыль покрывала золотыя шпоры; не смотря на то, они имѣли въ себѣ что-то важное, внушающее почтеніе, и были достойны престоловъ Принцевъ и Царей. Почетное мѣсто было имъ назначено Сенешалемъ.

VII.

Рыцари и дамы перешептывались, и ихъ завистливые взоры показывали неудовольствіе, при видѣ неизвѣстныхъ странниковъ, занимающихъ мѣста столь высокія. Но Оввенъ Эрровгтъ вскричалъ:

«Уже сорокъ лѣтъ, какъ исправляю я почетную должность Сенешаля, избирателя мѣстъ собесѣдникамъ; достоинство рожденіе, всѣ качества открыты мнѣ по одному взору, по одной поступи. Не богатство одеждъ,

не золото перевязей рѣшаютъ мой выборъ и я держу серебряную трость противъ дубовой вѣтьви, что странники сіи занимали мѣста̀, почетнѣйшія тѣхъ, коими ихъ удостоили.

VIII.

« И я также, вскричалъ старый Феррандъ; искусство Бардовъ научило меня правдиво судить о раздачѣ мѣстъ. Взгляните, благородные рыцари, на младшаго изъ странниковъ: какая живость въ его взорахъ, какая гордость! глаза его заблистали, когда онъ вошелъ въ залу; казалось, взоромъ искалъ онъ мужей благороднѣйшихъ, привыкнувъ быть всегда съ себѣ равными. Однакожъ, еще болѣе удивляюсь, съ какимъ величественнымъ и спокойнымъ челомъ взиралъ другой на собесѣдниковъ; онъ ка-

жется существомъ высшимъ, хладнокровно взирающимъ на богатство, на блескъ величія. И сія юная дѣва, хотя плащь скрываетъ ее отъ взоровъ нашихъ, однакожъ, не льзя не замѣтить ея прекраснаго стана.»

IX.

На лицѣ Барона Лорна изображалось подозрѣніе и гордая презрительность. Онъ бросалъ мрачные взоры на странниковъ, и прошептавъ что-то Аржантину, спросилъ ихъ съ видомъ надменнымъ: слышали-ли они въ своихъ путешествіяхъ о бунтующихъ Шотландцахъ, скрывшихся въ Рашъ-Эринѣ, съ изгнаннымъ начальникомъ Каррика; будутъ ли они жить еще на берегахъ Ульфера, или, сѣвъ на галеры, опять возвратятся опустошать свою отчизну (4).

X.

Младшій изъ странниковъ, бросивъ взоръ на Барона Лорна, отвѣчалъ съ тѣмъ же презрѣніемъ:

«Намъ нечего говорить о бунтовщикахъ; но если ты разумѣешь Короля Брюса, то увѣряю тебя, что онъ, не смотря на всѣхъ своихъ непріятелей, ни на Англичанъ, вооруженныхъ луками и копьями, ни на самаго Аллостера Лорна, поклялся, что прежде девяти дней, вѣтры Шотландскіе будутъ развѣвать его знамена.» Гнѣвъ Барона воспламенился при сихъ словахъ. Но Рональдъ его успокоилъ, сказавъ: «Братъ, не лучше ли провести ночь въ слушаніи пѣсенъ Ферранда, вмѣсто того, чтобъ возжигать на праздникѣ ненависть, отъ сей войны произшедшую.»

Я доволенъ, сказалъ Лорнъ, сдѣ-

лавъ знакъ Ферранду, главѣ Бардовъ; потомъ тихо шепнулъ Аржантину:

« Если не ошибаюсь, баллада, которую я выбралъ, должна тронуть сердца сихъ храбрыхъ чужеземцевъ. » Онъ замолкъ; тишина разпространилась повсюду, и Бардъ такъ началъ пѣснь свою:

XI.

« Прекрасна золотая застежка (5), соединяющая складки мантіи Лорна! чудесна работа ея! жемчугъ дорогой цѣны украшаетъ края ее; ярко блеститъ она, подобно звѣздѣ сѣверной, далеко отбрасывающей свой молніеносный свѣтъ.

« Вещь драгоцѣнная и неизвѣстная въ горахъ Шотландскихъ; не даръ ли это волшебницы водъ? Не морская ли наяда украшала ее въ своей пеще-

рѣ кораллової? Не Ирландскій ли Карло тебя обрабошывалъ? или, если шы произведена руками смершныхъ, не дружескій ли эшо даръ Англіи? — Не Францiя ли прислала шебя въ знакъ почшенія?»

XII.

«Но нѣшъ, красоша швоя не предсшавляешъ ни искусства чужеземцевъ, ни магической власши волшебницъ; шы была назначена Монарху, шщеславному Брюсу, который, будучи покрышъ порфирою царскою, пишалъ въ груди ненависшь и гордосшь; но храбрый Лорнъ похишилъ шебя рукою побѣдоносною.

«И едва засшежка сія сдѣлалась цѣною храбросши Лорна, клики военные разнеслись далеко; шогда засшеналъ лѣсъ Бенъ-Дуринскій и скалы Духаршскія ошвѣшсшвовали сему

стону; робкая лань убѣжала изъ дикаго Теиндрума, и побѣжденный убійца, покрытый ранами, отягченный стыдомъ и горестію, сокрылся бѣгствомъ, оставивъ сей славный залогъ побѣды Лорна.»

XIII.

«Такъ! мечь Дугласа, надменная рука Камбеля (6), желѣзо свирѣпаго Кирпатрика, употребляемое въ легкомъ ремеслѣ убійства, все было тщетно. Брендоунъ и храбрый Делагей далеко убѣжали, когда сія застежка блеснула на мантіи торжествующаго Лорна.

«И прежній владѣтель ея оставленъ; воины его преданы костру, палачамъ и окровавленному мечу нашихъ горныхъ жителей; висѣлицамъ, топорамъ и казнямъ Англіи. Пусть онъ скитается изъ страны въ стра-

ну, преслѣдуемый мстительною тѣнью Комина (7); на долго застежка сія останется трофеемъ побѣды Лорна.»

XIV.

Какъ тигръ, коего глаза сверкаютъ, когда окруженный луками и копьями, выбираетъ онъ охотниковъ для своей добычи; такъ Эдуардъ взиралъ попеременно на Барда и Барона; онъ уже схватилъ свой мечь, но братъ удержалъ его строгими словами:

«Остановись, сказалъ онъ; ужели ты столько слабъ, что послѣ многихъ испытаній и мученій не можешь снести пѣсенъ корыстолюбиваго Барда (8) .... Старикъ! твоя баллада достойна восхвалять того, кому продаешь ты свои услуги. Но за чѣмъ ты умолчалъ о тѣхъ трехъ храб-

рыхъ и вѣрныхъ вассалахъ Барона Лорна, которые изторгнули своего плѣннаго господина изъ рукъ Брюса, и погибли для его спасенія. Я думаю, что застежка и плащь остались въ рукахъ умирающихъ нещастливцевъ, въ то время, когда, окруженный сотнею хищныхъ враговъ, Брюсъ оставилъ поле битвы гораздо послѣ, нежели Лорнъ, щастливый спасеніемъ своей жизни... Но довольно... Бардъ! возьми сію золотую цѣпь въ награду, и пусть служитъ она тебѣ предлогомъ благороднѣе говорить о Брюсѣ.»

XV.

«Клянусь Колумбомъ и всѣми святыми, почивающими въ его церквѣ, клянусь, это самъ Брюсъ, вскричалъ съ сердцемъ Баронъ Лорнъ; пусть онъ умретъ за смерть моего родственника!»

« Нѣтъ, сказалъ Рональдъ, до тѣхъ поръ, пока рука будетъ повелѣвать мечемъ, дотѣхъ поръ я не потерплю, чтобы въ глазахъ моихъ умертвили воина беззащитнаго. Кровь странника не прольется въ моемъ замкѣ, семъ древнемъ обиталищѣ предковъ, всегда служившемъ убѣжищемъ для нещастныхъ и щитомъ для слабыхъ! »

— « Что говорите вы о беззащитномъ воинѣ, вскричалъ Баронъ: Коминъ палъ подъ желѣзомъ трехъ убійцъ, пронзившихъ ему сердце. И такъ, не представляйте мнѣ правъ гостепріимства. Коминъ палъ въ храмѣ Господнемъ; кровь его пролилась предъ олтаремъ Божіимъ и тѣло его было попрано убійцею неумолимымъ .... Со мною друзья! бейте, рубите, истребляйте сихъ изгнанныхъ мятежниковъ. »

XVI.

Владѣльцы твердой земли повинуются гласу вождя своего; трепещетъ мужественная рука Биркалдина; Кинлохъ-Аллинъ обнажаетъ мечь свой; мрачный Муртонъ машетъ кинжаломъ; рука ужаснаго Дермида готова нанести ударъ. Они требуютъ справедливаго мщенія и вторятъ крики военные; уже приближаются они съ подъятымъ оружіемъ; испуганныя женщины убѣгаютъ. О Шотландія! благороднѣйшій сынъ твой палъ бы въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, если бы храбрые рыцари, пришедшіе изъ-за океана, несоединились вокругъ Рональда и не остановили бъ мщенія безжалостнаго Лорна.

XVII.

То былъ храбрый Торквиль, пришедшій съ высотъ Дунвегана и

владѣлецъ шуманныхъ горъ Скяйскихъ; Макъ-Ніель, древній танистъ дикаго Бары; Дуанть, начальникъ воинственнаго клана (*) Гилліана; Фергусъ, владѣлецъ губы и замка Канна; Макъ Дуффилкъ, Лордъ Колонсайскій. Едва увидѣли они блестящіе мечи, то съ нѣкоторымъ удовольствіемъ обнажили свои оружія; ибо ненависть, иногда усиливающаяся, но никогда не умирающая, съ давняго времени раздѣляла владѣльцевъ Аргильскихъ отъ начальниковъ Гебридскихъ. Ужасное зрѣлище! Со всѣхъ сторонъ блестѣло оружіе; волосы у каждаго изъ вождей развѣвались въ безпорядкѣ; они угрожали другъ другу; мечи ихъ звучали и свѣтъ факеловъ отражался на убій-

(*) Селеніе.

ственной стали, въ видѣ молніи голубоватой. Огни брачные, казалось, назначены были освѣщать кровавое позорище, вмѣсто удовольствій брачныхъ.

XVIII.

Бой завязался. Рыцари, махая обнаженными мечами, готовились умерщвлять другъ друга. Но они еще колеблются, опасаясь нарушить права гостепріимства. Ярость изображается во взорѣ ихъ, и каждый страшится нанести первый ударъ, ибо Барды проклинаютъ тѣхъ, кои нарушаютъ радость праздника; притомъ равное число Рыцарей съ обѣихъ сторонъ дѣлало бой нерѣшительнымъ. Крики и угрозы мало по малу утихли и скоро мертвая тишина, подобная той, которая предшествуетъ бурѣ, разпространилась

между воинами. Англичане и Шотландцы, всѣ были неподвижны, подобно желѣзнымъ воинамъ временъ протекшихъ, которымъ недоставало только дыханія жизни для начатія новаго боя.

XIX.

Тогда Эдиѳа воспользовалась сею минутою, чтобы смягчить сердцà суровыя; юная странница бросилась къ ногамъ Аржантинà, и упавшее покрывало открыло огонь ея взоровъ и развивающіяся кудри.

«О ты, который почитаешься цвѣтомъ рыцарства и защитникомъ слабыхъ, сказала она, ты, который разилъ въ Іудеѣ за нашу святую вѣру, который одержалъ столько побѣдъ на турнирахъ, и получалъ награды отъ сей слабой руки, ужели останешся нечувствительнымъ

при гласѣ чести, при видѣ сего боя неравнаго, въ которомъ мои братья, твои прежніе друзья, будутъ умерщвлены и гостепріимство нарушено?»—

Слова сіи были обращены къ Аржантину; но взоры красавицы умоляли владѣтеля островов ъ.

Блѣдность, подобная послѣднему свѣту дня, покрывала чело Рональда; онъ затрепеталъ при сихъ словахъ и дрожъ пробѣжала по его членамъ. Онъ бросилъ безпокойный взглядъ на прекрасную и тихо сказалъ: « не страшись ничего, моя Изабелла.... Но что я говорю? нѣтъ, не бойся Эдифа, не бойся; я буду стараться о твоемъ спасеніи, моя любезная невѣста «..... и сіе послѣднее слово умерло на его устахъ трепещущихъ.

XX.

Тогда приближился Аржантинъ; будучи вассаломъ Короля Англійскаго, онъ сталъ требовать выдачи двухъ странниковъ, какъ людей, носившихъ противъ него оружіе. Но требованіе сіе было только однимъ предлогомъ для ихъ спасенія; ибо не было храбрѣе и благороднѣе Рыцаря Аржантина. Рональдъ, угадавшій его желаніе, не противился оному; но пылкій Торквиль разрушилъ ихъ намѣренія.

» Мы слышали объ игѣ Англійскомъ, вскричалъ онъ: до нашихъ островъ дошло, что законныя права требуютъ Брюса на престолъ Шотландскій, хотя онъ и былъ низверґнутъ съ онаго мечемъ чужеземнымъ. Но какъбы ни было справедливо требованіе сего Рыцаря отъ короны

Англійской, чтобъ схватить сихъ двухъ мятежниковъ вездѣ, гдѣ распространяются ея владѣнія, но здѣсь, уважая права гостепріимства, здѣсь посреди владѣльцевъ Шотландскихъ, раздѣляющихъ веселый праздникъ, я не допущу, чтобъ Лорнъ или Аржантинъ наложили цѣпи на сего храбраго Рыцаря!»

XXI.

Слова сіи возобновили ссору; угрозы и крики начались снова; слуги и вассалы бѣгали по залѣ, смѣшивая свои голоса съ симъ шумомъ. Но вдругъ звукъ рога далеко раздался на волнахъ океана.

«Это Аббатъ, кричали со всѣхъ сторонъ, это тотъ человѣкъ Божій, глазамъ котораго представлялись святыя видѣнія: онъ встрѣчалъ ангеловъ на пути своемъ у при-

стани Щастливыхъ и у камня Св. Колумба. Монахи его монастыря слышали на вершинахъ *Дунъ-и* небесные гимны, пѣтые для услажденія его молитвъ, которыя читалъ онъ съ колѣнопреклоненіемъ у подножія всякаго креста (*). Это святой, грядущій со святаго острова; мы будемъ просить его рѣшенія; Аббатъ окончитъ наши раздоры.«

XXII.

Едва щастливое согласіе распространилось, какъ большая дверь покатилась на петляхъ и святые люди показались въ черныхъ одеждахъ. То были двѣнадцать монаховъ, обутыхъ въ сандаліи; они несли Св. мощи, были предшествуемы факелами и

(*) Число сихъ крестовъ простирается до 300.

послѣдуемы Св. крестомъ. При семъ видѣ непріятели перестали угрожать другъ другу; мечи и кинжалы вошли въ ножны; военный видъ изчезъ, подобно огнямъ, быстро текущимъ по небу и скоро угасающимъ.

XXIII.

Аббатъ остановился на прагѣ двери. Въ рукахъ держалъ онъ Св. крестъ. Его капишонъ былъ опрокинутъ на плеча и пламень факеловъ освѣщалъ красноватымъ огнемъ его впадшія щеки, бѣлую одежду, голубые, до половины угасшіе глаза и рѣдкіе волосы, осѣнявшіе его блѣдное чело.

« Благословеніе Божіей Матери и помощь Неба да будутъ надъ вами, благородные Рыцари, сказалъ онъ. Но отъ чего происходитъ сей безпорядокъ? Ничто не показываетъ мнѣ

мира! для чего сіи оружія и мечи обнаженные! Прилично-ли, чтобъ глазамъ священника представлялось желѣзо, когда онъ призванъ соединить сердца супруговъ!»

XXIV.

Тогда гордый Лорнъ, скрывая свой гнѣвъ подъ личиною фанатизма, сказалъ:

«Святой отецъ! васъ просили сюда для соединенія истинныхъ дѣтей церкви и вы вѣрно не ожидали встрѣтить нещастнаго, преданнаго проклятію Папою за то, что онъ осквернилъ убійствомъ камни Святаго Храма. Еще болѣе изумитесь вы, когда узнаете, что между нами находится подобный непріятель, и потому, неужели бъ мы стали говорить о мирѣ и союзѣ съ изгнанникомъ Брюсомъ, когда должно бы

пролить его виновную кровь.«

XXV.

Тогда Рональдъ принялъ сторону странника и съ жаромъ напомнилъ о должностяхъ Рыцарскихъ и законахъ чести. Изабелла, стоя на колѣняхъ передъ нимъ, соединила слезы съ мольбами. Великодушная Эдифа, проливая слезы, молила о жалости своего брата.

« Прочь отъ меня, сестра недостойная, вскричалъ непоколебимый Баронъ; развѣ недовольно того, что ты была привезена въ замокъ Рональда, какъ раба (9), ожидающая прихотей и любви у дверей своего господина. Но владѣлецъ Кумберландскій, великодушный Клиффордъ, ищетъ твоей руки. Ты будешь его супругою.... Ни слова...,

Удались и отри сіи слезы недостойныя.»

Почтенный Аббатъ слушалъ его рѣчь; но ничто не могло измѣнить строгаго спокойствія его чела.

XXVI.

Аржантинъ представлялъ права Короля Англійскаго и слова его возжгли въ сердцѣ Рональда давно угасшій огонь. Гнѣвъ его заблисталъ подобно искрамъ, вылетающимъ изъ кремня.

Уже прошло довольно времени, вскричалъ онъ, какъ кровь самая благородная проливается за Короля Эдуарда. Сколько убійствъ совершилось съ тѣхъ поръ, какъ великій Валласъ въ презрительную шутку былъ украшенъ древеснымъ вѣнцомъ и убитъ за то, что защищалъ наслѣдство своихъ

отцовъ (10)! Гдѣ теперь Нигель, Брюсъ и Делагей; гдѣ храбрый Сетонъ, великодушный Соммервиль и Фразеръ, цвѣтъ Рыцарства! Гдѣ сіи вожди благородные? Головы ихъ не остались ли на висѣлицахъ, а разсѣянные члены не были ль пищею жадныхъ псовъ и хищныхъ врановъ. Развѣ Леопардъ Англійскій еще не насытился кровью Шотландскою; развѣ жизнь Атоля не удовольствовала мрачнаго тирана, который и на смертномъ одрѣ все еще думаетъ о висѣлицахъ, колесахъ и убійствахъ? (11) Твой взоръ помрачается, Аржантинъ; вотъ залогъ моего вызова!»

XXVII

И я его подтверждаю! вскричалъ храбрый рыцарь Дунвегана; нѣтъ, клянусь всѣми святыми, дикимъ Оденомъ, клятвою предковъ моихъ (12).

Пусть Римъ и Англія соединяютъ свои жестокія намѣренія; но если изгнанный и проклятый Брюсъ когда нибудь соберетъ своихъ друзей; если Дугласъ обнажитъ мечь свой; если Родольфъ рѣшится испытать военное щастіе, то я, старый Торквиль, пойду и увеличу тысячьми станъ своего Короля; я первый подниму знамя бунта противъ Англіи; а ты, почтенный пастырь, не осуждай мою храбрость. Издавна знаешь ты суроваго Торквиля и его неизмѣнную волю, еще достойную дикой Скандинавіи. Нѣтъ, я не оставлю своего намѣренія ни за золото Англіи, ни за проклятіе Рима!»

XXVIII.

Аббатъ выслушалъ сію неустрашимую рѣчь съ видомъ строгимъ; онъ обратился къ Королю Брюсу,

два раза хотѣлъ говорить — и два раза слова умирали на его устахъ; онъ потупилъ взоры, и наконецъ превозмогши себя, сказалъ:

«Отвѣтствуй мнѣ, нещастный, какое представишь ты оправданіе для отвращенія того ужаснаго проклятія, которое, какъ говорятъ Св. отцы, предаетъ душу аду и смерти. Сіе ужасное слово удалитъ отъ тебя Св. Ангеловъ и соединитъ всѣ нещастія надъ твоею главою. Церковь не доставитъ помощи тому, кто онымъ пораженъ: небо не внемлетъ его молитвамъ и рабъ подниметъ руку на такого владѣльца. Проклятіе есть удѣлъ друзей, ему сопутствующихъ, и тѣхъ, кои услаждаютъ его нещастія. Проклятіе сіе преслѣдуетъ виновнаго во всю жизнь . . . И даже послѣ смерти летаетъ надъ его прахомъ. Оно сокрушитъ

памятники, которые украшали гробъ его; заглушитъ святой гимнъ, пѣтый за его успокоеніе, и наконецъ земля не приметъ трупа проклятаго. Такова участь обвиненнаго Римомъ. Вотъ истинная награда за твое святотатственное убійство.»

XXIX.

«Святой человѣкъ, вскричалъ Брюсъ, знай, что убійство Комина не есть слѣдствіе личнаго мщенія: онъ умеръ за измѣну своему отечеству. Я не осуждаю тѣхъ, которые предали меня проклятію; но Небу извѣстно, какое намѣреніе предпринялъ я, чтобъ загладить грѣхъ мой; оно услышитъ мои молитвы. Когда исполню священный долгъ свой, когда освобожу отъ ига Шотландію, тогда еще будетъ время молить церковь за душу Комина; а я, Ры-

царь Креста, я пойду въ Палестину загладить мое убійство битвами за Бога; но до тѣхъ поръ, пусть церковь довольствуется моимъ признаніемъ въ грѣхѣ и обѣщаніемъ исправленія (13).

Теперь я возвращаю имя измѣнника Аржантину и Лорну, которое они мнѣ дали, и еще разъ объявляю имъ вызовъ мой!«

XXX.

Подобно человѣку, пораженному необыкновеннымъ явленіемъ, стоялъ Аббатъ, пристально глядя на Короля Брюса; скоро ужасное волненіе начерталось въ его взорахъ; тяжелымъ сдѣлалось дыханіе и мрачные взгляды сыпались съ угасшихъ очей; рѣдкіе волосы его поднимались, чело

воспламенилось; съ новою быстротою кровь обращалась въ жилахъ. Онъ бормоталъ невнятныя слова, которыя однѣ нарушали тишину, и наконецъ сказалъ:

XXXI.

«Брюсъ, проклятіями я готовъ былъ поразить главу твою, хотѣлъ предать кровь твою тому, кто ее жаждетъ пролить; но подобно Мадіаниту, остановленному надъ Зофимомъ, я чувствую въ сердцѣ своемъ, годами оледенѣломъ, силу непонятную. Она внушаетъ мнѣ приговоръ твой, она обладаетъ моими чувствами!

«Брюсъ, твоя святотатственная рука поразила врага предъ олтаремъ Господнимъ! . . . . Но убѣжденный духомъ, меня воспаляющимъ, я благословляю тебя и благо-

словеніе мое всюду за тобою последуетъ!»

Онъ сказалъ — и тишина почтенія и страха долго царствовала надъ толпою удивленною.

XXXII.

Небесный огнь снова воспламенилъ взоры Аббата; движенія его приняли силу сверхъестественную; голосъ сдѣлался мужественнымъ и громкимъ:

«О ты, который трижды былъ побѣжденъ въ бояхъ, ты, который видѣлъ друзей своихъ бѣгущихъ или плѣненныхъ; ты, преслѣдуемый жаждущими крови твоей (14); принужденный скитаться въ пустыняхъ, далеко отъ своего отечества; ты, удаленный на брегъ чужеземный, Царь-изгнанникъ, оставленный, неимущій... Тебя благословляю я... и

благословенie мое послѣдуетъ за тобою на престолъ и на поле битвы, будешь ли ты покрытъ багряницею или щитомъ. Ты омоешь стыдъ отечества; ты отомстишь его обиды. Брюсъ, законный Царь Шотландiи, примиренный съ Небомъ и славою, сколько почестей тебя ожидаютъ! Отцы въ вѣкахъ грядущихъ станутъ говорить о возобновителѣ своей свободы; дѣти, едва получившiя даръ слова, будутъ превозносить тебя хвалами. Теперь иди и побѣждай! имя твое принадлежитъ вѣчности! Сила небесная благословляетъ тебя чрезъ меня и изливаетъ свои щедроты на главу твою! — Но голосъ мой слабѣетъ, высшая сила оставляетъ меня; глаза закрываются... Небо говорило мною... я не могу принять клятвъ брачныхъ. Братья, нашъ долгъ исполненъ и

присутствіе наше не нужно; возвратимся къ парусамъ.»

Монахи принимаютъ на руки ослабѣвшаго, едва дышущаго священника. Они спѣшатъ выдти изъ за́мка, садятся на галеру и ея распущенный парусъ далеко бѣлѣетъ на открытомъ морѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ВТОРОЙ.

1. *Пар.* III. Эгидіусъ, или Жиль Аржантинъ былъ послѣ Генриха Люксембургскаго и Роберта Брюса наиславнѣйшимъ рыцаремъ того времени. Онъ со славою сражался въ Палестинѣ, и, обезопасивъ отступленіе Эдварда на Баннокъ-Бурнскомъ сраженіи, умеръ какъ герой, съ оружіемъ въ рукахъ. Въ поэмѣ Бартона, Барда, привезеннаго Эдуардомъ, находятся сіи два стиха въ честь Аржантина:

> Nobilis Argenten, pugil inclyte, dulcis Egidi,
> Vix scieram mentem cum te succumbere vidi.

2. *Пар.* IV. Въ замкѣ Дунвеганѣ долго сохранялась древняя чаша, работы чудесной. *Круговая* была въ обычаѣ у начальниковъ островов, которые

почитали за величайшій грѣхъ оставлять бочку, когда она еще не пуста.

3. *Пар.* VI. Должность Сенешаля была весьма важна при Дворахъ начальниковъ Гебридскихъ. Она состояла въ назначеніи всякому гостю приличнаго мѣста на праздникѣ.

4. *Пар.* IX. Должно замѣтить, что знаніе Шотландской Исторіи необходимо для совершеннаго пониманія сей поэмы.

5. *Пар.* XI. Исторія и преданіе долго прославляли частный бой Брюса, въ которомъ, избѣжавъ рукъ побѣдителей, онъ оставилъ плащь свой въ рукахъ непріятельскихъ; застежка онаго долго сохранялась въ фамиліи Макъ-Дугалъ. — Брюсъ былъ одаренъ силою необычайною. — Застежка плаща была вещь драгоцѣнная, когда носившій ее былъ вождь знаменитый.

6. *Пар.* XIII. Сиръ Джамесъ, прозванный Добрый Лордъ Дугласъ, былъ ра-

ненъ въ битвѣ при Далри. Тутъ же убитъ Сиръ Нигель или Ніель Камбель, зять Брюса.

7. *Пар.* XIII. Брюсъ, вышедъ изъ церкви послѣ убійства Комина, встрѣтилъ Джамеса Линдсдаля и Кирпатрика. « Что новаго? « спросили они. — Худо, отвѣчалъ Брюсъ, я можетъ быть убилъ Комина.—*Можетъ быть*, вскричалъ Кирпатрикъ; *это скоро будетъ вѣрно*, прибавилъ Брюсъ.

8. *Пар.* XIV. Кажется, что характеръ Бардовъ Шотландскихъ, столь великихъ въ прежнее время, въ послѣдствіи столько унизился, что они скоро пришли въ презрѣніе. Скупость ихъ въ силу ограничивали строгими законами.

9. *Пар.* XXV. То былъ горный обычай, чтобъ привозить невѣсту въ жилище жениха; иногда она ожидала его цѣлые мѣсяцы, и женихъ могъ еще отъ нее отказаться. Отсюда происходило много ссоръ, и проч.

10. *Пар.* XXVI. См. въ Хроникѣ Ешова, казнь знаменитаго Валласа, который измѣною былъ преданъ Англичанамъ.

11. *Пар.* XXVI. Вотъ надпись Матвея Вестминстерскаго Эдварду:

> Scotos, Edouardus, dùm vixit, suppe ditavit,
> Tenuit, vixit, de pressit, dilaniavit.

12. *Пар.* XXVII. Маклеодъ и всѣ знаменитыя фамиліи Гебридскія были происхожденія Скандинавскаго и не совершенно обращены въ Христіанство.

13. *Пар.* XXIX. Чтобъ загладить кровь, пролитую въ церквѣ, Брюсъ, при послѣднихъ минутахъ своей жизни, велѣлъ Джамесу, Лорду Дугласу, отвезти сердце свое въ Іерусалимъ.

14. *Пар.* XXXII. Эхо Шотландіи повторяло лай собакъ, преслѣдовавшихъ скрывающагося Монарха. — Одна изъ собакъ Лорна принадлежала прежде Брюсу, и потому легко могла преслѣдовать его по слѣду. Съ великимъ трудомъ скрылся Король Шотландіи.

ПѢСНЬ III.

I.

Примѣчали ль вы глубокую тишину, царствующую надъ лѣсомъ, лугами и доломъ, послѣ того, когда громъ внезапно загремитъ въ облакахъ и эхо повторитъ его далекій грохотъ; рожъ не качаетъ болѣе своей позлащенной головки въ багатыхъ пажитяхъ; не слышно однообразнаго содроганія листьевъ осины; безмолвствующій вѣтръ не колеблетъ цвѣтовъ желтой гвоздики, растущей на развалинахъ стараго за́мка. Но едва пробудится буря едва приближится съ глухимъ ропотомъ — утесы стенаютъ.

II.

Асторнитъ, такова была твоя торжественная тишина, послѣдовавшая за пророческими словами сѣдаго священника. Послушные его велѣнію монахи предоставили паруса волѣ южнаго вѣтра, когда въ зáмкѣ всѣ еще были въ недоумѣніи. Скоро шопотъ сомнѣнія и ужаса нарушаетъ тишину почтительную. Рыцари съ безпокойствомъ перешептываются между собою и бросаютъ любопытные взоры на владѣтеля островов, который, стоя въ отдаленіи, казалось, умолялъ Лорна, кого разстроенный видъ и движенія, исполненныя ужаса, изображали гнѣвъ и нетерпѣніе.

III.

Наконецъ Лорнъ прервалъ молчаніе; онъ глядѣлъ на Рональда взо-

ромъ угрожающимъ и мстительнымъ. Ужели думаешь ты, сказалъ онъ, что я столь легко могъ забыть вражду нашу смертельную; что я сожму въ знакъ дружбы руку, обагренную въ крови моего родственника? Это ли правдивый возвратъ дружества, основаннаго на клятвахъ взаимныхъ? Справедливо говорятъ, что не должно полагаться на островитянъ! Но если такъ.... вѣрь, что скоро ты узнаешь, какъ мы въ дикихъ горахъ нашихъ умѣемъ отмщать обиды.... Позовите Эдифу.... гдѣ дочь Лорна? гдѣ сестра моя, подлые невольники! мы не будемъ болѣе предметомъ презрѣнія... Пойдемъ Аржантинъ, мы никогда не будемъ имѣть другомъ, друга Брюсова и врага Англіи.

Такъ гордый Лорнъ изъявлялъ свое негодованіе. Кормакъ-Дойль, всегда послушный его велѣніямъ, поднимаетъ якорь и распускаетъ паруса. Кормакъ-Дойль былъ Гальскій морской разбойникъ; онъ благословляетъ случай, заставляющій его пѣнить волны морскія (1).

Другіе служители Лорна еще колеблются и говорятъ другъ другу: «Эдиѳа любила Рональда островов; опасаясь, чтобъ братъ не заставилъ ее отдать руку Лорду Клиффорту, она поѣхала искать пристанища въ монастырѣ Іоны, и вѣрно хочетъ жить затворницей въ семъ святомъ убѣжищѣ до тѣхъ поръ, пока Аббатъ своимъ посредничествомъ прекратитъ сіи новыя ссоры.»

V.

Между тѣмъ какъ въ замкѣ вездѣ раздавались крики гнѣва Лорнова, без-

престанно требовавшаго оружія и сзывавшаго своихъ воиновъ, Аржантинъ подходитъ къ Брюсу и говоритъ ему голосомъ учтивости, смѣшанной съ важностію:

« Графъ! — Я еще соглашаюсь дать сей титулъ Брюсу, хотя онъ и потерялъ его съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался бунтовщикомъ. Но вассалъ или Графъ — мнѣ все равно; ты позволилъ себѣ дерзкія слова, которыя относились къ Аржантину: честь повелѣваетъ мнѣ спросить о причинѣ оныхъ. Не стану говорить о томъ, что руки наши съ одинакимъ искусствомъ владѣютъ мечемъ. Я требую того, чего всякій воинъ можетъ требовать. Въ первой битвѣ прикрѣпи сію перчатку къ твоему шлему; мы встрѣтимся — и тамъ я скажу, какъ и всегда говорилъ, что ослѣпленный честолюбі-

емъ, ты не переставалъ быть Рыцаремъ храбрымъ.

VI.

«А я, отвѣчалъ Государь, еслибъ имѣлъ славный мечь Аржантина, то за стыдъ бы почелъ обнажать его для защиты тирана; чтожъ до твоего требованія, будь увѣренъ, что во всѣхъ бояхъ будешъ видѣнъ на шлемѣ моемъ залогъ, тобою данный; если слова мои могли оскорбить твою честь, она получитъ удовлетвореніе, достойное обиды. Никакая перчатка, въ юности данная мнѣ красавицей, не была такъ дорога моему сердцу, какъ та, которую получилъ я отъ тебя. И такъ, благородный непріятель мой, желаю тебѣ щастія до той минуты, пока мы встрѣтимся.... А тамъ, пусть будетъ угодное Небу.»

VII.

Такъ они разстались.... Уже друзья Лорна съ шопошомъ отъ него удаляются, подобно глухому реву волнъ, отражаемыхъ утесами прибрежными. Каждый изъ вождей, сопровождаемый вассалами, возвращается въ свой горный за́мокъ, разсуждая о непостоянствѣ человѣческихъ намѣренiй.

Однакожъ, по приказу Рональда, двойная стража оберегала стѣны Асторнита. Двери были тщательно закрыты тройными полосами желѣза и цѣпями тяжелыми; Лордъ учтиво просилъ извиненiя у гостей своихъ въ томъ, что праздникъ былъ прерванъ, и предложилъ имъ вѣрное убѣжище въ своей крѣпости. Вожди и Рыцари, предшествуемые вассалами съ факелами, были проведены къ постелямъ. Уже прочли

вечернюю молитву — и каждый предается глубокому сну, который проливаетъ забвенiе дневныхъ заботъ на ихъ усталыя вѣжди.

VIII.

Но скоро пробужденный Манархъ говоритъ Эдуарду, подлѣ него спящему: « вставай, братъ мой. . . . я слышу шумъ двери потаенной; факелъ сiяетъ изъподъ полу.... вставай, Эдуардъ, вставай, говорю тебѣ; кто-то крадется къ намъ, подобно ночному привидѣнiю. — Помедли... Это нашъ хозяинъ великодушный.«

Рональдъ приближается, послѣдуемый вождемъ Дунвегана.... Оба, въ знакъ вѣрности къ Брюсу, преклоняютъ предъ нимъ колѣна; они приносятъ ему мечи свои и поздравляютъ законнымъ Монархомъ Шотландiи! —» О ты, избранный Не-

бомъ, прибавилъ Рональдъ, простить ли заблужденіямъ моей юности; хитрости измѣнниковъ совратили меня съ пути прямаго, и я осмѣлился поднять на тебя мечь бунтующій.... но и тогда, сражаясь противъ правъ твоихъ, я не переставалъ удивляться твоему благородному мужеству.«

» Увы! любезный другъ, отвѣчалъ Брюсъ, я самъ былъ виновнѣе тебя.... « Онъ не могъ окончить, вспомнивъ о пораженіи своемъ при Фалкиркѣ (2), и съ глубокимъ вздохомъ прижалъ къ груди своей владѣтеля острововъ.

IX.

Оба Рыцаря предлагаютъ ему свои оружія и услуги, для защиты правъ его; но совѣты ихъ должны быть строго обдуманы, прежде нежели соединятся воины и бранныя знаме-

на разпустятся ; золото Англійское и происки Лорна произвели противъ Брюса множество непріятелей.

Тогда Монархъ открылъ новымъ подданнымъ свои смѣлыя намѣренія:

» Послѣ зимы, проведенной мною въ изгнаніи, я хотѣлъ прибыть на берегъ Каррика, чтобъ увидѣть мѣсто моего рожденія и быть свидѣтелемъ тѣхъ пировъ, которые Клиффортъ даетъ въ моемъ замкѣ, объявивъ себя его владѣльцемъ. Но я направилъ путь къ Аррану, гдѣ храбрый Ленноксъ приготовлялъ мнѣ помощь. Возставшая буря внезапно разсѣяла корабли наши; обманутый надеждами, я долженъ былъ удалиться отъ цѣли моего плаванія, чтобъ избѣжать парусовъ непріятельскихъ. Вотъ что привело насъ къ этому замку. «

X.

Послѣ словъ сихъ Торквиль сказалъ :» Нужда велитъ намъ поспѣшать ; малѣйшая медленность будетъ пагубна. Мы не должны подвергать Короля опасностямъ осады : жаждая мщенія , Лорнъ съ воинами своими уже близокъ къ башнямъ Асторниша ; легкія суда Англіи пробѣгаютъ волны быстраго Клида и при первомъ знакѣ условномъ, готовы занять всѣ проливы и охранять берегá. Пока не воцарилась еще тревога всеобщая, Государь нашъ долженъ быть на дружескихъ берегахъ Скяйя.... Торквиль будетъ его кормчимъ и путеводителемъ.«

» Нѣтъ, храбрый вождь , вскричалъ Рональдъ, я самъ буду сопровождать нашего Монарха ; я созову къ оружію воиновъ Слиша ; а ты ,

Торквиль, мудрый въ совѣтахъ, ты будешь ими начальствовать. Твои сѣдые волосы приобрѣтутъ почтеніе и покорность.«

» Если слова мои слишкомъ легки, сказалъ Торквиль, то мечь мой довольно тяжелъ для того, чтобъ перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ. «

XI.

»Намѣреніе сіе мнѣ много обѣщаетъ, сказалъ Брюсъ; однакожъ лучше бы было, еслибъ Изабелла, сѣвъ на корабль мой, нашла убѣжище на гостепріимныхъ берегахъ Эрина. Эдуардъ, ты будешь ей сопутсвовать, ты будешь охранять ее отъ опасностей, разсѣявать ея безпокойства; ты соединишь разсѣянныхъ друзей нашихъ.

Въ глазахъ Рональда кажется можно было прочесть, сколько намѣреніе сіе было далеко отъ того,

чтобъ его успокоить; но онъ тотчасъ готовился исполнить сей планъ. Два тайно оснащенные корабля вышли изъ залива и подняли паруса для путей различныхъ; одинъ пошелъ къ острову Скяйю, другой къ берегамъ Эрина.

XII.

Мы послѣдуемъ за Брюсомъ и Рональдомъ.

Попутный вѣтръ наполнялъ ихъ паруса и скоро они съ трудомъ примѣтили мрачныя высоты Мульвскія и голубые холмы Арднамухана. Тогда нашелъ шквалъ и матросы должны были опустить реи, чтобъ дѣйствовать рулемъ. Они день и ночь боролись съ бурными морями и при утренней зарѣ увидѣли романтическіе берега Скяйя; тогда рождающіеся лучи солнца вѣнчали дикую

вершину крутаго Коолина; но ихъ плаваніе было столь трудно и долговременно, что лучезарное свѣтило давно уже блистало на западѣ, когда они вошли въ губу Скавижгъ. « Если взоръ не обманываетъ меня, сказалъ тогда Рональдъ, вотъ пустыня, простирающаяся на сѣверъ отъ Строштнардаля и Дунскайя (3). Никогда стопы смертнаго непробѣгали ее; теперь бушуютъ противные вѣтры, кто мѣшаетъ намъ выдти на берегъ? — Если мой Государь любитъ лукъ охотника, мы можемъ найти здѣсь козъ горныхъ? Мой пажъ Алланъ пойдетъ съ нами; рука его смѣло владѣетъ мѣткимъ лукомъ и если здѣсь есть дичь, онъ отвѣчаетъ намъ за успѣхъ охоты. »

Каждый изъ нихъ вооружается. Шлюбка спущена; они быстро сходятъ на землю, оставивъ ладію и

гребцовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ быстрый ручей, оставляя свое утесистое ложе, спѣшитъ соединиться съ волнами океана.

XIII.

Въ молчаніи шли они нѣсколько времени, какъ охотники, ищущіе добычи; наконецъ Король Брюсъ сказалъ:» Какое зрѣлище, Св. Марія! я много прошелъ горъ отечественныхъ и чужеземныхъ. Судьба заставляла меня искать спокойнаго убѣжища, а не удовольствій; такъ я пробѣгалъ пустыни, переходилъ много скалъ и ручьевъ; но клянусь кровлею предковъ, что никогда не встрѣчалъ я зрѣлища, столь дикаго и величественнаго посреди самыхъ ужасовъ. «

XIV.

Монархъ говорилъ справедливо; никогда взоры людей не зрѣли предмета столь дикаго, какой представляло ужасное озеро, огражденное скалами. Казалось, что оно произошло отъ древняго землятрясенія, и что всякая пропасть, всякій ровъ, свидѣтельствуютъ о его опустошеніяхъ. Дикая, безплодная долина представляетъ живительное вліяніе природы; зеленый могъ покрываетъ вершины Бенмора, верескъ цвѣтетъ въ глубинахъ Гленкое и роща зеленѣетъ на Круханъ Бенѣ; но напрасно глаза ваши будутъ блуждать въ далекѣ; они не найдутъ ни дерева, ни куста, ни простой травки; здѣсь все пусто, все безплодно; здѣсь скалы и камни разбросаны въ безпорядкѣ, какъ будто Небо отка-

зало сей странѣ въ лучахъ солнечныхъ и въ сладкой росѣ весенней, которая производитъ живые оттѣнки на бархатѣ луговъ.

XV.

Между тѣмъ какъ они далѣе углублялись, мрачныя скалы и глубокое озеро, казались еще болѣе дикими. Огромныя террасы изъ чернаго гранита служили имъ крутыми и трудными тропинкими. То были отломки скалъ, бурею оторванныхъ отъ горъ и взгроможденныхъ другъ на друга въ одну изъ тѣхъ ужасныхъ ночей, когда дикая коза бѣжитъ и волкъ воетъ въ своемъ убѣжищѣ.

Сіи безобразныя громады нависли надъ пропастями, и сказалось, что довольно было руки ребенка, чтобъ

низвергнуть ихъ въ бездну; между тѣмъ какъ цѣлое войско не моглобы поднять сего обломка, дрожащаго на своемъ основаніи, подобно камню Друидовъ. Вечерніе туманы въ своемъ непостоянномъ бѣгѣ покрывали иногда цѣпь сихъ горъ; иногда, оставляя ихъ крутыя вершины, они разстилали свой воздушный покровъ надъ волнистымъ озеромъ, или развѣвались на крылахъ вѣтровъ. Часто они вдругъ остаются неподвижны; вода ручьями низвергается изъ нѣдръ ихъ, орошаетъ горныя вершины и затмѣваетъ радостный свѣтъ солнца.

XVI.

»Какъ называется, спросилъ Брюсъ, сіе мрачное озеро, окруженное ужасными скалами гранита; дикой козѣ они не представляютъ

другой дороги, кромѣ этой узкой тропинки, по которой мы идемъ?— Какъ вы называете сіи крутыя горы и исполинскую вершину, поднимающую до небесъ свои ужасныя разсѣлины, которыя, кажется, произведены поздраженнымъ громомъ. «

»Кориксинъ есть имя озера, а Колинъ — горы; такъ называютъ ихъ Барды отъ временъ древняго вождя Кушуллина; но часто, слѣдуя порывамъ воображенія, они даютъ имъ другія имена. Я желалъ бы чтобъ старый Торквиль показалъ вамъ своихъ юныхъ дщерей съ грудями нѣжными, чтобъ вы послушали однообразныхъ пѣсенъ его кормилицы. Сіи дѣвы — суть грозныя скалы съ бѣлыми вершинами; а кормилица — ручей, ужасно ревущій. Мы бы могли показать вамъ замерзшій прудъ Карри-

врскина, извѣстный подъ именемъ колдуньи въ бѣлой шапочкѣ. Мечтательное воображеніе нашихъ островитянъ дало подобныя имена симъ дикимъ, необитаемымъ мѣстамъ.»

XVII.

»Мечтательный человѣкъ, отвѣчалъ Брюсъ, могъ бы найти здѣсь мысли болѣе нравственныя. Сіи возвышающіяся скалы, до небесъ поднимающія свои безплодныя вершины, и претерпѣвающія то жаръ лучей солнечныхъ, то удары грома, не представляютъ ли образъ Монарха? — Воспитанный посреди бурь политическихъ, онъ слишкомъ высоко находится для того, чтобъ вкушать простыя удовольствія неизвѣстной жизни; душа его — неподвижный камень; а сердце — безплодная пустыня. Его вѣнчанная глава нахо-

дится выше любви, страха и надежды! .... Но что я вижу тамъ, на вершинѣ утеса? — То охотники съ оленемъ убитымъ. Кто они? . . . . . Вы сказали, что смертный никогда не проникалъ въ сей островъ пустынный? «

XVIII.

« Я такъ думалъ, отвѣчалъ Рональдъ. Но точно.... я вижу пятерыхъ; они приближаются и, какъ кажется, примѣчаютъ за нами. По украшеніямъ ихъ шляпъ, я узнаю вассалловъ Лорна, непріятелей моего Государя. «

» Что нужды, возразилъ Брюсъ; я былъ участникомъ битвъ, болѣе неравныхъ. Насъ трое противъ пятерыхъ; но бѣдный пажъ не можетъ намъ помочь, и такъ сдѣлаемъ планъ сраженія. . . . Если они заградятъ

намъ дорогу, то нападайте на двухъ я беру трехъ. « —» Нѣтъ, Государь, моему мечу должно сразить трехъ непріятелей. Если Рональдъ падетъ, то сію потерю скорѣе можно вознаградить, нежели потерю Брюса.... Но наши островитяне хорошіе воины... У Аллана есть мечь и лукъ, и если угодно моему Государю, то двѣ стрѣлы сравняютъ число съ обѣихъ сторонъ. « — » Нѣтъ, отвѣчалъ Брюсъ, я и такъ много пролилъ крови.... мы скоро узнаемъ, друзьями или непріятелями они къ намъ приближаются. « —

XIX.

Странники подошли ближе; но ихъ мрачные взгляды не успокоили Монарха: они шли шагомъ нерѣшительнымъ, стараясь не быть примѣченными; первые два, лучше во-

оруженные, имѣли платье и оружіе горныхъ жителей: кинжалы, сабли, лукъ и стрѣлы. Три другіе, за ними слѣдовавшіе, казались быть слугами низшаго состоянія; козлиная кожа служила имъ защитою отъ вѣтровъ; голова, руки и ноги были обнажены, а волосы и борода всклокочены. Дубины, топоръ и заржавленный мечь составляли ихъ оружія.

XX.

Они въ молчаніи продолжили свой путь на встрѣчу Брюсу и Рональду.» Отвѣтствуйте, кто вы? вскричалъ Брюсъ, или остановитесь; встрѣча въ уединенныхъ пустыняхъ не походитъ на встрѣчу въ городахъ мирныхъ.« Они остановились при семъ привѣтствіи, сурово поклонились и отвѣчали ко-

ротко такимъ голосомъ, который показывалъ, что они учтивы изъ страха, а не изъ доброжелательства.» Мы блуждаемъ здѣсь можетъ быть подобно вамъ, будучи брошены бурею и волнами на сей берегъ, и ежели вы согласны, то мы съ радостію раздѣлимъ послѣдній плодъ нашей охоты.«— «Если вы прибыли съ моря, гдѣ судно ваше?«— Въ десяти шагахъ отъ берега въ океанѣ. Вчера претерпѣли мы кораблекрушеніе; но люди, намъ подобные, мало думаютъ объ опасностяхъ. День скрылся.... мракъ сгущается... хотите ли идти въ нашу хижину? — » Корабль ожидаетъ насъ въ губѣ, прощайте.« — « Такъ это было ваше судно, разъѣзжавшее вечеромъ около береговъ острова?«—» Наше, безъ сомнѣнія.« —» И такъ не ищите его: сей часъ видѣли мы съ вершины горы,

какъ показался Англійскій флопъ, съ краснымъ флагомъ Св. Георгія—и ваше судно, поднявъ якорь, вышло въ открытое море.»

XXI.

«Клянусь Св. крестомъ, это дурная новость, сказалъ тихо Лордъ Рональдъ Брюсу. Теперь темно чтобъ освѣдомиться осправедливости оной. Эти люди грубы, но добрыя сердца таятся подъ жесткою корою. Послѣдуемъ за ними. Убѣжище и пища, которую они предлагаютъ, намъ теперь весьма нужны; мы остережемся измѣны, и каждый изъ насъ будетъ бодрствовать, между тѣмъ какъ другіе вкусятъ сонъ безмятежной. . . . Храбрые люди, мы съ благодарностію принимаемъ ваше предложеніе и наградимъ васъ за оное. . . . Прове-

дите жъ насъ къ вашей хижинѣ..... но тише, мы не будемъ смѣшиваться между собою; покажите намъ дорогу межъ утесовъ и идите впередъ, мы за вами послѣдуемъ. «

XXII.

Они пришли въ палатку, сдѣланную изъ парусовъ, прикрѣпленныхъ къ скалѣ; вошедши они увидѣли мальчика, коего благородная осанка мало согласовалась съ дикостію мѣста. На немъ была шляпа и мантія изъ зеленаго бархата; прочее платье чернаго цвѣта, уподоблялось одеждѣ Бардовъ; локоны волосъ до половины скрывали его поблѣднѣвшее отъ горести чело и глаза, наполненные слезами. » Откуда это бѣдное дитя, спросилъ Рональдъ? « Голосъ Государя островов внезапно разсѣялъ его горесть; казалось, онъ

пробудился отъ глубокаго сна, поднялъ голову, испустилъ крикъ, глядѣлъ на все смущенными взорами и краснѣя отвратилъ лице свое.

XXIII.

»Какъ называется это дитя, спросилъ въ другой разъ Рональдъ?«—»Война сдѣлала его нашимъ плѣнникомъ, и если музыка нравится вамъ болѣе золота, то онъ вашъ; будучи нѣмъ отъ рожденія, онъ хорошо играетъ на люпнѣ, и умѣетъ сокращать долгіе часы сладостными звуками. Чтожъ до насъ, то попутный вѣтръ, ревущій около нашей кормы, кажется намъ болѣе сладкозвучнымъ.«—» Можетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, понимать то, что ему говорятъ?« — Да, это сказала намъ мать его, погибшая въ кораблекрушеніи. Вотъ что заставляетъ плакать бѣднаго

музыканта. Я ничего не могу сказать вамъ болѣе; онъ плѣнникъ нашъ еще только со вчерашняго дня; а во время бури намъ некогда было имъ заниматься. Но за чѣмъ терять время въ разговорахъ; раздѣлите нашъ ужинъ и повѣсьте ваши оружія.« — Плѣнникъ при словахъ сихъ бросилъ значительный взглядъ на Рональда; то былъ взоръ, легко понятный для воина.

XXIV.

» Друзья, сказалъ онъ, разведемъ огонь и будемъ ужинать особо. Знайте, что мы идемъ на богомолье, и потому должны быть воздержны и въ пищѣ, и во снѣ; до тѣхъ поръ, пока обѣтъ нашъ исполнится, мы не можемъ оставить платья и оружія, ни раздѣлять трапезы чужеземцевъ. Во время сна одинъ изъ насъ будетъ бодрство-

вашъ; и такъ не оскорбляйтесь, если мы выберемъ себѣ особенный уголъ хижины.« —»Странный обѣтъ, сказалъ старшій изъ горцевъ; трудно исполнить его въ точности. Но если за наше гостепріимство вы отвѣчаете такою недовѣрчивостію, то что скажите вы, когда мы не раздѣлимъ съ вами добычи нашей охоты?»

»Мы скажемъ, что наши мечи слишкомъ крѣпки, и что нашъ обѣтъ не велитъ намъ умирать съ голоду, если можемъ достать пищу цѣною золота или желѣза.« Чело гордца воспламеняется гнѣвомъ; онъ скрипитъ зубами; но тотчасъ усмиряется при сверкающемъ взорѣ Рональда; его низкое сердце не можетъ снести неустрашимаго и гордаго взгляда Монарха. »Такъ пусть всякой слѣдуетъ обычаямъ своего кла-

па, сказалъ онъ съ коварной улыбкою: вотъ вамъ особенный уголъ; пусть всякой ѣстъ и пьетъ по своему обычаю.»

XXV.

Двойной огонь воспламеняется.... Во время ужина Рональдъ, Брюсъ и пажъ наблюдаютъ попеременно; лице стараго горца ничего не предвѣщало хорошаго; онъ, казалось, замышлялъ какую-то хитрость, и не переставалъ глядѣть взоромъ коварнымъ. На его густыхъ бровяхъ изображались сомнѣніе и недовѣрчивость. Младшій, казавшійся его сыномъ, имѣлъ тотъ мрачный взглядъ, который внушаетъ трепетъ въ душахъ робкихъ; чтожъ до слугъ, то въ ихъ глазахъ страхъ и ненависть изображались поперемѣнно. Но мракъ увеличился въ хижинѣ; всѣ пятеро

заснули, или притворились спящими. Юный плѣнникъ, лишенный дара слова, и могшій однѣми слезами оплакивать свои нещастія, уступая усталости, простерся на землѣ, чтобы вкусить сонъ.

XXVI.

Монархъ не довѣряя своимъ опаснымъ хозяевамъ, заставилъ бодрствовать Рональда до полуночи; тогда встанетъ самъ Брюсъ и займетъ его мѣсто; за нимъ Алланъ, вкусивши покой, будетъ стеречь послѣдній. —

Какую мысль призываетъ Рональдъ для того, чтобъ противиться сну? Ибо опасеніе подлаго непріятеля не могло совершенно занять его. Рональдъ мечтаетъ о прекрасной Изабеллѣ, упавшей къ ногамъ Аржантина; онъ представляетъ ее на блестящемъ

Вудстокскомъ турнирѣ, на котором съ улыбкою отдала она ему награду побѣдителя. Прекрасная въ день своей славы, еще прекраснѣе въ минуты нещастій, не одна сестра Брюса занимаетъ сердце владѣтеля островов; онъ воспоминаетъ объ Эдифѣ, своей любезной невѣстѣ.... Ахъ! На что онъ рѣшится? одна владѣетъ его сердцемъ, другая — клятвами, произнесенными предъ Богомъ. Часы бодрствованія для него не тягостны; рѣдко сонъ посѣщаетъ любовниковъ. Наконецъ раздалась полнощная пѣснь филина; съ визгомъ отвѣчала лисица на крикъ сей. Монархъ просыпается и Лордъ Рональдъ, внимая его усильнымъ просьбамъ, соглашается уснуть на нѣкоторое время.

XXVII.

Что дѣлалъ Король Робертъ для забвенія дневныхъ трудовъ своихъ. Мысль о свободѣ заставляетъ сердце его биться сильнѣе; онъ мечтаетъ о щастіи своего отечества, о битвахъ за его независимость, о зàмкахъ и городахъ, взятыхъ приступомъ, о знаменахъ Англійскихъ, склоненныхъ предъ торжествующимъ крестомъ Шотландіи; о непостоянствѣ военнаго щастія, словомъ, обо всемъ, что можетъ занимать героя. Удивительно ли, что посреди сихъ мечтаній сонъ не сомкнулъ глазъ Монарха. Уже блѣдный свѣтъ вѣнчаетъ восточное чело Коолина; выдра спѣшитъ въ свое убѣжище; съ пронзительнымъ крикомъ просыпается чайка. . . . Монархъ рѣшается вкусить нужный покой; пажъ бдитъ въ свою очередь.

XXVIII.

Трудно бодрствовать юнымъ очамъ Аллана, трудно наблюдать безопасность своихъ товарищей. Онъ подложилъ въ костеръ вѣтвей дикой ели и синеватое пламя съ трескомъ разлилось въ хижинѣ; онъ взглянулъ потомъ на горцевъ, завернувшихся въ свои плащи. Но душа его не предавалась страху: происходя изъ поколѣнія героевъ, Алланъ можетъ быть сравнялся бы съ Рыцарями храбрѣйшими. Онъ мечтаетъ о замкѣ своей матери, о рощахъ, любимыхъ его юными сестрами, объ играхъ младенчества. Но скоро свѣтъ пламени умеръ для его усталыхъ глазъ; онъ встаетъ и взираетъ на озеро, позлащаемое первыми лучами денницы. Въ туманѣ скрывались вершины горъ; утренній вѣтерокъ едва вол-

новалъ поверхность водъ; волны съ безпрестаннымъ и единообразнымъ шумомъ ударялись о берегъ. Алланъ мечтаетъ о разсказахъ, занимавшихъ его въ юные годы; о появленіи пилигримовъ, о духахъ, о привидѣніяхъ, о ужасной хижинѣ волшебницы и объ алмазныхъ гротахъ сирены, находящихся подъ океаномъ, въ очарованномъ убѣжищѣ Стратгера (4). Мечты переносятъ его въ сіи мѣста: своды грота представляются ему вмѣсто мрачныхъ стѣнъ хижины; онъ думаетъ, что ходитъ по мраморному помосту; видитъ надъ собою магическія изваянія, блистающія подобно звѣздамъ сѣвернымъ!.... Несчастный! не думай, что пронзительный крикъ, который ты слышишь, есть голосъ раздраженной наяды?.... Увы! вопль плѣнника, просящаго помощи, поздно пре-

рываетъ сонъ Аллана. Въ ту минуту, когда онъ пробуждается, кинжалъ одного изъ злодѣевъ нашелъ дорогу къ его сердцу; онъ обращаетъ къ Небу смущенные взоры.... трепещущими устами произноситъ имя своего господина и умираетъ.

XXIX.

Пробужденіе Брюса было пагубно для убійцы; онъ схватываетъ горящую головню, первое оружіе, которое ему представляется—и юный Алланъ уже отмщенъ; убійца падаетъ и послѣдній вздохъ вылетаетъ изъ преступной груди его. Владѣтель островов слѣдуетъ примѣру Монарха; одинъ изъ слугъ умираетъ подъ ударомъ его меча; другой, поверженный его мощною рукою, ожидаетъ удара смерти; но между тѣмъ какъ Лордъ Рональдъ

вонзаетъ мечь въ его сердце, вождь убійцъ подходитъ съ зади и поднимаетъ на него свою вѣроломную руку!.... Лордъ не можетъ получить помощи отъ Брюса, который сражается съ сыномъ начальника. Но плѣнникъ завидѣлъ опасность Рональда: онъ останавливаетъ руку горца и убійца уже поверженъ на прахъ мужественнымъ Робертомъ.

XXX.

»Измѣнникъ! вскричалъ Монархъ... говори, пока жизнь твоя еще не угасла, какое злое намѣреніе вооружило тебя вѣроломною сталью противъ мирныхъ странниковъ?«

» Ты не странникъ, отвѣчалъ нещастный голосомъ хриплымъ и задыхающимся. Я тебя слишкомъ хорошо знаю; я видѣлъ въ тебѣ врага моего благороднаго начальника, мо-

гущественнаго Лорна.»—« И так, сказал Брюс, отвѣтствуй еще на один вопрос; но говори правду для спасенія души своей.... Откуда сей плѣнник, как его называют, из какой страны он; отвѣчай! Признаніем сим ты можешь загладить свою измѣну.«—» Оставь меня умереть; мы нашли сего ребенка в коралѣ, гдѣ искали.... и я думал....« но смерть заградила его уста и Кормак — Дойль умирает как жил— посреди убійства.

XXXI.

Храбрый Брюс опершись на окровавленный меч, сказал Рональду: друг, мы должны краснѣть; посмотри, юный Бард поднимает к Небу свои нѣмыя уста и соединяет руки в благодарность Всевышнему за наше чудесное избавленіе, между тѣм

какъ мы забываемъ изъявить Божеству нашу признательность.

Брюсъ приближился къ юному плѣннику; но обнаженный мечь привелъ его въ трепетъ. Монархъ отеръ кровь, покрывавшую желѣзо, и вложилъ его въ ножны.» Увы, бѣдное дитя, прибавилъ онъ, твоя участь мало согласна съ твоею слабостію и тихостью нрава... Будучи невольникомъ морскаго разбойника, ты переходишь въ руки господина, коего блуждающая жизнь есть цѣпь опасностей и сраженій. . . . Но Брюсъ, лишенный королевства и друзей, найдетъ тебѣ вѣрное убѣжище; пойдемъ, благородный Рональдъ, твои великодушныя слезы уже довольно текли о бѣдномъ Алланѣ, который жестоко отомщенъ; оставимъ мѣста сіи, день уже возсіялъ. Пойдемъ, отыщемъ судно наше; я ду-

маю разбойникъ обманулъ насъ, сказавъ, что оно удалилось на средину моря.

XXXII.

Но прежде, нежели оставили они кровавое зрѣлище, владѣтель острововъ сказалъ Аллану послѣднее прощаніе: »Кто возвѣститъ о его печальномъ концѣ въ замкѣ Донагилльскомъ? Увы, кто скажетъ матери о смерти ея любимаго сына, во цвѣтѣ лѣтъ своихъ погибшаго? – Миръ праху твоему! жаркія молитвы будутъ возноситься за твою душу. Вой волка и крики врановъ раздадутся надъ тѣлами сихъ измѣнниковъ, лишенныхъ погребенія.»

Уже злато-пурпуровый свѣтъ солнца разлился на восточномъ гребнѣ Коолина и надъ мрачными волнами озера; онъ блеститъ на воздуш-

ныхъ высотахъ горъ и надъ глубокими пропастями. Такъ обманываютъ насъ величія земныя и скрываютъ подъ своимъ великолѣпнымъ покровомъ тайныя горести, ихъ не оставляющія. Брюсъ и Рональдъ идутъ по неровной гранитной тропинкѣ. Печально бесѣдуютъ два воина и плѣнникъ слѣдуетъ за ними въ безмолвіи.

Конецъ третьей пѣсни.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ТРЕТЬЕЙ.

1. *Пар.* IV. Многіе начальники Гибридскихъ острововъ занимались разбоями до разпространенія просвѣщенія.

2. *Пар.* VIII. Въ разсужденіи битвы Фалкирской, я слѣдовалъ народному преданію. Но невѣроятно, чтобъ Брюсъ сражался противъ Валласа. См. оправданіе его въ *Лѣтописяхъ Шотландіи* Лорда Гайльса.

3. *Пар.* XII. Картина, которую я старался представить, есть одна изъ прекраснѣйшихъ въ Шотландіи. Эпизодъ разбойниковъ, встрѣчающихся съ Брюсомъ, взятъ изъ Барбура, съ нѣкоторыми перемѣнами, которыхъ требовалъ мой предметъ.

4. *Пар* XXVIII. Воображеніе ничего не можетъ представить великолѣпнѣе грота, недавно открытаго во владѣніяхъ Александра Макъ-Аллистера де Стратгера. Описаніе онаго издано Докторомъ Маркъ-Леай — д'Обаномъ.

ПѢСНЬ IV.

I.

Чужеземецъ! если твои дерзкія стопы когда нибудь пробѣгали сѣверныя страны древней Каледоніи, гдѣ гордая царица пустынь поставила близь озеръ и водопадовъ свой престолъ уединенный, то вѣрно душа твоя при видѣ сихъ необработанныхъ долинъ и верховъ горъ, внимая шуму быстрыхъ ручьевъ, изъ нѣдръ скалъ низвергающихся и смѣшивающихъ свой дикій ревъ съ криками орла, съ трепетаніемъ озера и свистомъ аквилона; — вѣрно она чувствовала высшее, но мрачное удовольствіе.

Такъ, сія картина казалась тебѣ величественною, но исполненною меланхоліи. Уединеніе отяготило твою

душу; усталость утомила глаза твои; торжественно — строгое чувство, непонятный ужасъ наполняли твое сердце; ты бы желалъ найти хижину дровосѣка, или какой нибудь признакъ живой твари; ты бы съ восхищеніемъ увидѣлъ дымъ, несущійся легкими кудрями надъ кровлею гостепріимною; ты съ радостію отвѣчалъ бы на утреннюю пѣснь пѣтуха, или накрикъ дѣтей, подъ зеленью вяза играющихъ.

Какія это мѣста, коихъ дикое величіе возбуждаетъ ужасъ смягченый сладкимъ вздохомъ? — то озеро мрачнаго Ранноха, долина Гленкое, или бѣлыя пещеры пѣны странъ сѣверныхъ гдѣ гнѣвно реветъ Лохъ-Эриболь. Но пусть Барды судятъ о томъ, уступитъ-ли сіе величественное уединеніе въ дикихъ красотахъ своихъ ужасному берегу, на которомъ возвы-

тается безплодный верхъ Коолина и слышится ревущій Корпскенъ.

II.

Воины проходили сію пустыню, когда звукъ рога и часто вторимые крики быстро поразили ихъ. «Это рогъ Эдуарда сказалъ Брюсъ. Что заставило его возвратиться такъ скоро? Смотри, великодушный Рональдъ, видишь ли, какъ съ легкостію преслѣдуемаго оленя онъ перебирается съ утеса на утесъ. Такъ Эдуардъ всегда ускоряетъ шаги свои во время мира и въ день битвы! Онъ насъ увидѣлъ и прежде нежели будетъ здѣсь, скажетъ намъ причину своего возврата.»

III.

Эдуардъ вскричалъ: «Вы занимаетесь здѣсь преслѣдованіемъ дикой

козы, между тѣмъ какъ Шотландія требуетъ своего Короля? — Корабль Леннокса, встрѣтившійся съ моимъ, передалъ мнѣ сію пріятную новость. Стуартъ вооружаетъ Шотландцевъ въ долинахъ Тевіотскихъ, а Дугласъ на своей родинѣ. Флотъ твой, не смотря на бурю, вошелъ въ губу Бродикскую. Леннoксъ ожидаетъ только твоихъ повелѣній, чтобъ высадить толпу храбрыхъ. Но мнѣ остается сказать тебѣ еще одно благодѣяніе Неба: жесточайшій изъ враговъ твоихъ — Эдвардъ, умеръ на границахъ, начальствуя противу насъ своими воинами.«

IV.

Брюсъ безмолствовалъ... его строгое чело рѣдко блистало радостію. Но скоро благородный восторгъ одушевилъ лице его. «Земля Шотланд-

ская, вскричалъ онъ, наконецъ, съ помощію Небесъ, ты увидишь сыновъ своихъ свободными и отмщенными. Но Всемогущій! Тебя призываю въ свидѣтели, что чувство личной вражды не смѣшивается въ душѣ моей съ радостію осмерти Эдварда; изъ рукъ его получилъ я мечь Рыцаря, ему обязанъ и достоинствами, и скиптромъ. Но признаюсь, хотя я вырвалъ изъ исторіи тотъ листъ, на которомъ начертана была униженная имъ Шотландія, потомство не перестанетъ почитать его Монархомъ мудрымъ, храбрымъ, обожаемымъ своими подданными!»—«Пусть обитатели Лондона оплакиваютъ его потерю, пусть монахи Крайдонскіе поютъ въ честь его гимны хвалебные, съ живостію возразилъ Эдвардъ; моя ненависть, столь же вѣчная какъ и его, переходитъ за предѣлы жизни; она не умираетъ

вмѣстѣ со врагомъ моимъ. Такова была ненависть нашего гонителя на пескахъ Солвайскихъ, когда злость давала силу его рукѣ нечувствительной, чтобъ показать на страну Шотландскую и послѣдними словами произнесть проклятіе противъ наслѣдника, если сей пощадитъ отечество Брюса. Такова была его ненависть, когда, отказываясь отъ мирнаго жилища усопшихъ, онъ велѣлъ своимъ безжалостнымъ воинамъ погребсти себя на границахъ нашихъ; какъ будто его оледенѣлый взоръ могъ еще радоваться при видѣ нашихъ нещастій. Такова была ненависть тирана: чудная, ужасная, вѣчная.... подобная моей!» (1).

V.

»Эдуардъ! предоставь браниться женщинамъ, мечь есть одно оружіе ге-

роя. Будь увѣренъ, что у насъ осталось еще довольно живыхъ непріятелей, для ненависти и мщенія. Взгляни на море, тамъ стоятъ галеры, которыя приглашаютъ насъ воспользоваться вѣтромъ попутнымъ. На суда! — направимъ путь къ Аррану, гдѣ наши разсѣянные друзья присоединились къ великодушному Ленноксу, Делагейю и Байду, храбрымъ въ бояхъ. Отъ меня зависитъ снова начальствовать сими воинами и видѣть свое знамя снова развѣвающимся. . . . Благородный Рональдъ будетъ ли мнѣ сопутствовать, или останется чтобъ соединить войска сего острова? «— »Государь, вскричалъ Лордъ, Рональдъ никогда не оставитъ Брюса И такъ какъ двѣ галеры находятся въ гавани, то моя съ твоего согласія пойдетъ сзывать къ оружію кланы Юйста и береговъ Лохъ-Айланда.

Чтожь до обитателей ближнихъ острововъ, то мы можемъ безъ замедленія увѣдомить ихъ о своихъ намѣреніяхъ, и если западные жители покорствуютъ своему Государю, то Арранскіе брега скоро увидятъ Торквиля съ своимъ флотомъ. «

VI.

Подтверждено было намѣреніе сіе; но прежде, нежели воины сѣли на суда, Коолинъ и мрачный Корискенъ огласились пѣснями погребальными. Опечаленные островитяне несли тѣло нещастнаго пажа по берегу озера, которое было достойнымъ мѣстомъ зрѣлища столь плачевнаго. При каждой остановкѣ, пѣснь *Коронахъ* (*) возносилась къ облакамъ;

(*) Погребальная пѣснь Шотландцевъ.

а во время шествія волынки съ дикимъ *пиброкомъ* (*) славили юнаго наслѣдника Донагильскаго. Скалы и пещеры Коолина вторили гимнъ надгробный; погребальные стоны умирали на горныхъ высотахъ; они первые достигли ихъ утесистой вершины, прежде однимъ громомъ оглашаемой.

VII.

Быстро разсѣкаетъ корабль синія волны; легкій вѣтръ съ Бенъ-на-Дорха играетъ его парусами. Трепетаніе снастей уподобляется смѣху радости; раздѣленныя волны кипятъ и шепчутся, какъ бы желая отвѣтствовать на сей шорохъ. Чайка предшествуетъ кораблю и легкимъ

(*) Музыкальный инструментъ Шотландскій.

крыломъ разсѣкаетъ воздухъ. Уже сокрылись вершины Коолина и скалы Сапена. Тогда узрѣли сигналы военные на черныхъ башняхъ Дунскайта и на озерѣ Ейфордскомъ; быстро несутся клубами густыя облака дыму надъ Кавиларрихомъ. При семъ знакѣ, который льститъ ихъ мщенію и жаждѣ боевой, воинственные кланы Слита и Страта, горя нетерпѣніемъ вступить въ сѣчу, спѣшатъ къ оружію и покрываются щитами. Вождь Макъ-Риннонъ, въ бояхъ посѣдѣвшій, ведетъ ихъ въ гавань Бродикскую.

VIII.

Другой сигналъ съ вершины башни Каннайской вдали освѣщаетъ небо и землю; подобно соколиному гнѣзду виситъ онъ надъ мрачною пучиною. Не осмѣливайтесь взойти

на скалу, на которой стоитъ замокъ, чтобъ осмотрѣть его развалины: этотъ путь доступенъ только легкой лани или дикой козѣ. Остановитесь на серебряныхъ пескахъ берега и заставьте пастуха повторить старинное преданіе о семъ замкѣ. Онъ усмиритъ дикій лай своей собаки, онъ разстелетъ плащь на берегу океана и пригласитъ васъ сѣсть съ нимъ вмѣстѣ. Онъ разскажетъ вамъ (2), какъ одинъ древній вождь привезъ сюда дѣву чужеземную и заперъ ее въ сію мрачную башню. Одна черная ревность можетъ внушить жестокому супругу столь суровое наказаніе прекрасной плѣнницѣ.

Часто, когда лучи мѣсяца дремали на лонѣ водъ, она плакала, опираясь на зубцы стѣнные и обращала глаза свои къ странамъ южнымъ. Мечтая

о времени болѣе щасшливомъ, она играла на люшнѣ и пѣла печальные романсы на языкѣ ошечесшвенномъ. И нынѣ еще, когда сіяніе ночнаго свѣшила ошражаешся на скалахъ и на морѣ, когда неслышно шопоша волнъ, Гебридскій жишель думаешъ съ нѣкошорымъ удовольсшвіемъ, смѣшаннымъ съ сшрахомъ, думаешъ слышашь звуки люшни и голосъ плѣнницы, оплакивающей свои нещасшія на языкѣ неизвѣсшномъ.... Э ш о ш ъ разсказъ шрогашеленъ. . . . но онъ уже слишкомъ занялъ арфу Барда.... Увы! кшо пройдешъ мимо сей скалы, мимо сей башни развалившейся безъ шого, чшо бъ шайнымъ вздохомъ непожалѣшь о судьбѣ нещасшной?

IX.

Кормчій направилъ пушь къ горамъ Ронанскимъ; народы ихъ населяю-

щіе, стеклись на берегъ; опущены ихъ луки. Повинуясь велѣніямъ владѣтеля острововъ, они перестали преслѣдовать дикихъ звѣрей и спѣшили на войну. Пламя, блиставшее въ Скурейгѣ, призвало жителей къ знаменамъ ихъ Государя, прежде нежели суровый Маклеодъ вооруженный мщеніемъ, вступилъ на ихъ островъ. Тщетно пещера океана предлагаетъ убѣжище нещастнымъ; неумолимый вождь заваливаетъ входъ оной вѣтвями горящими и густой дымъ наполняетъ подземелье. Тщетно раздаются угрозы воиновъ, стоны дѣтей и вопли женъ; свирѣпый вождь, внимая адскому мщенію, поддерживаетъ пламя до тѣхъ поръ, пока цѣлое племя умираетъ въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ. Кости, взгроможденныя въ сей пещерѣ, и теперь еще свидѣтельствуютъ объ ужасномъ мщеніи (3).

X.

Быстро корабль разсѣкаетъ волны, подобно жаворонку, летящему въ воздухѣ при возвратѣ зари утренней, или лебедю, переплывающему горькую влагу въ лѣтнее утро. Уже видны на Востокѣ берега Мулла, Колонсая и Ульви, видны группы островов, окружающихъ Стаффу, славную храмомъ океана (4). Посреди его неизвѣстныхъ коллонъ бакланъ находитъ себѣ тихое убѣжище; робкій тюлень покоится въ семъ уединенномъ зданіи, которое воздвигла природа во славу своего Творца, дабы храмъ сей превзошелъ всѣ храмы, воздвигнутые руками смертныхъ. Для какого другаго божества вознеслись бы сіи столпы и арки дивныя округлились? Такова мысль величественная, внушенная шумомъ волнъ,

вторимыхъ утесами съ гармоніею бурь. Случайно, противу входа сего зданія, возвышается древній храмъ Іоны; здѣсь природа, кажется, говоритъ человѣку: «Сынъ праха! ты воздвигнулъ храмъ величественный и знаменитый. . . Но что онъ предъ моимъ?» . . .

XI.

Корабль продолжаетъ свой быстрый бѣгъ, подобно дельфину, избѣгающему тирана морей, или оленю, бѣгущему отъ стаи собакъ, его преслѣдующихъ. Рональдъ оставляетъ за собой Лохъ-Туа; онъ посѣщаетъ воиновъ дикаго Тира и вождя песчанаго острова Коллы. Онъ не останавливается въ гавани Св. Колумба, хотя гулъ колоколовъ далеко раздается. Гордый и храбрый Лордъ Лохбюй увидѣлъ его сигналъ и во-

оружился; цвѣтущій Илай соединяетъ своихъ храбрыхъ воиновъ; съ ними ополчился островъ Скарба, угрожаемый Карривренкинскими волнами, и уединенный Колонсай,—мѣста, воспѣтыя арфою нынѣ безмолвною! Уже нѣтъ того, который прославлялъ васъ. Онъ угасъ, сей пламенникъ, любившій вдалекѣ разливать свѣтъ познаній, и чужеземный брегъ принялъ прахъ Лейдена.

XII.

Вѣтръ не переставалъ быть попутнымъ, но корабль уже не разсѣкаетъ волнъ морскихъ. Онъ плыветъ по пути неизвѣстному, въ надеждѣ избѣжать флота непріятельскаго. Корабль обогнулъ полуостровъ Кантиръ (5) и вошелъ въ озеро Тарбатъ; тогда экипажъ принужденъ былъ тянуть корабль канатомъ, до

губы Колмаконельской. Странно было видѣть мачты, проходящія надъ вершинами деревъ, и корабль, плывущій посреди лѣсовъ и скалъ, Но старинное преданіе гласило между жителями, что когда корабль Королевской пройдетъ чрезъ мохъ Колмаконельскій, то древній Албіонъ восторжествуетъ въ битвахъ, и при видѣ его серебрянаго креста затрепещутъ и поблѣднѣютъ непріятели.

XIII.

Пущенная во второй разъ въ море галера, какъ бы гордая отъ сего предсказанія, плыветъ къ острову Аррану, оставивъ за собой Бенъ-Глайхъ, гору бурь; солнце весело освѣщало ея дикую вершину и прекрасный Лохъ-Ранза. Казалось, островъ узнавалъ своего Монарха, такъ берегъ былъ свѣтелъ, такъ

океанъ былъ чистъ. Алмазная волна тихо текла въ гавань, гдѣ золотистые цвѣты были смѣшаны съ лазурью и изумрудомъ. Башня, холмъ, долина и лѣсъ освѣщались послѣдними лучами угасающаго вечера. Одинъ съ любовію шептавшій вѣтръ иногда нарушалъ величественное молчаніе. Кто бы хотѣлъ битвами и нещастіями разстроить сію прекрасную картину!

XIV.

Не о войнѣ ли бесѣдуетъ Рональдъ? Румянецъ, покрывающій его ланиты, робкій, смущенный взоръ и дрожащій голосъ выражаютъ другое чувство; чело Короля Брюса говорило, что глубокая дума его занимала; онъ не зналъ, что отвѣчать на вопросъ важный; но въ очахъ его можно было прочесть взоръ жалости, смѣшанной

съ улыбкою. Рональдъ съ живостію шутитъ съ Королемъ. «Чтожъ до моей невѣсты, сказалъ онъ, мой Государь знаетъ, какъ Эдифа бѣжала изъ Асторниша; она слишкомъ жалка и я не имѣю права охуждать сей скорый побѣгъ. Пусть щастіе ей сопутствуетъ! . . . Но она бѣжала отъ брака и Лорнъ возвратилъ свое слово въ присутствіи вождей собравшихся. Я предложилъ мою руку для того, чтобъ совершился союзъ, предположенный нашими отцами.... Отвергнутый съ презрѣніемъ, я былъ бы слишкомъ низокъ, чтобъ играть роль просителя Лорнова.»

XV.

«Другъ, отвѣчалъ Брюсъ, пусть церковь разрѣшитъ вопросъ сей; но было бъ очень несправедливо, еслибъ узы, кои она разорвала, могли

тебя удерживать; ибо Эдиѳа, какъ сказываютъ, отдаетъ руку Клиффорду. Чтожъ до сестры моей Изабеллы — кто можетъ отвѣчать за упрямство женщины? Рыцарь Скалы, побѣдитель на турнирѣ Вудстокскомъ, сей рыцарь неизвѣстный, увѣнчанный ея рукою, умѣлъ плѣнить ея сердце, я это подозрѣваю; но со времени нещастной судьбы брата Нигеля, съ тѣхъ поръ, какъ разрушился домъ нашъ, сестра моя совершенно перемѣнилась. Можетъ быть, прибавилъ съ улыбкою Монархъ, то, что я не давно слышалъ, перемѣнитъ ея мысли. Сіи горы скрываютъ монастырь С. Бридскій; здѣсь Эдуардъ оставилъ Изабеллу, которая должна обитать въ ономъ до временъ благопріятнѣйшихъ. Туда понесу я просьбу твою, и вѣрь, что другъ твой будетъ умѣть за тебя ходатайствовать.»

XVI.

Между тѣмъ какъ они говорили, нѣмой Бардъ стоялъ не вдалекѣ, склонясь челомъ къ мачтѣ; печаль, которую напрасно хотѣлъ онъ сокрыть, вырывала изъ груди его жалостные вздохи; его руки прижимались къ глазамъ; онъ какъ бы хотѣлъ остановить текущія слезы, но онѣ струились по лицу сквозь его нѣжные пальцы. Эдуардъ, прогуливавшійся на палубѣ, первый примѣтилъ его горесть; будучи столь же вѣтренъ, какъ и храбръ, онъ подошелъ къ нему и старался утѣшить плачущаго. Онъ отнялъ его слабую руку, скрывавшую глаза; плѣнникъ сопротивлялся, но воинъ, съ нѣкоторою строгостію, въ знакъ дружбы самъ отеръ его слезы, сказавъ: «Не стыдно ли тебѣ плакать!...

Я бы желалъ, чтобъ твои нѣмыя уста сказали о томъ, что причиняетъ тебѣ горесть. Но утѣшься. Ты можешь быть славнымъ пажемъ рыцаря — и будешь моимъ. Прекрасная лошадь тебѣ ввѣрится; ты будешь слѣдовать за мною на охоту и относить письма къ моей любезной; ибо, я думаю, ты не измѣнишь, не скажешь имя обожаемой (6)?»

XVII.

Тогда приближился Брюсъ. «Веселый Эдуардъ, сказалъ онъ, это не тотъ пажъ, который долженъ беречь твой лукъ, наполнять чашу или исправлять посольство къ любезной. Ты слишкомъ строгъ и вѣтренъ для сего сироты. Не видишь ли, какъ днемъ и ночью онъ любитъ оставаться въ уединенiи. Ему гораздо приличнѣе заниматься мирными работа-

ми монастырскими, служить нашей сестрѣ Изабеллѣ и молиться съ отцемъ Августиномъ, чѣмъ искать приключеній съ вождемъ, каковъ ты.»— «Благодарю за совѣты, весело отвѣчалъ Эдуардъ; но мы увидимъ, кто изъ насъ двоихъ будетъ лучше покровительствовать этому бѣдному ребенку. . . Мы у берега. Спустимъ лодку и поѣдемъ.»

XVIII.

Король Робертъ выскочилъ на берегъ и три раза протрубилъ въ рогъ свой, пробудившій эхо Бенъ-Гхойля. Здѣсь Дугласъ и Делагей преслѣдовали оленя, а Ленноксъ стоялъ въ отдаленіи съ собаками.

«Это непріятель, вскричалъ Бойдъ, прибѣжавъ зачыхавшись и съ взоромъ пламеннымъ; Милорды! бросьте луки, возмите мечи! « — «Нѣтъ, ска-

залъ Лордъ Джамесъ, это не Англійскій рогъ; я часто слышалъ, какъ онъ одушевлялъ сражающихся, побуждалъ ихъ къ побѣдѣ и останавливалъ бѣгущихъ; Дугласъ узнаетъ сигналъ Брюса; пойдемте на берега Лохъ-Ранза; это рогъ нашего Монарха. »

XIX.

Вѣсть сія скоро разпространяется, воины съ радостію стекаются на берегъ. Они тѣснятся около Брюса, пожимаютъ его руки и проливаютъ слезы. Нѣкоторые изъ нихъ были старые воины, скрывавшіе подъ шлемомъ бѣлые волосы, и коихъ топоры орошены были кровію Датчанъ; другіе были еще въ раннихъ лѣтахъ юности и едва могли поражать тяжелымъ мечемъ по щиту. Многіе изъ нихъ получили раны въ нещастныя войны Албіона, въ битвахъ при Фалкиркѣ,

Теиндрумѣ и Метвенѣ. Изъ нихъ должно было замѣтить мужественнаго Дугласа, любезнаго Леннокса, Кирпатрика, ужаснаго Клозебурга, жестокаго и пылкаго Линдебайя, наслѣдника Делагейя, важнаго Бойя и веселаго Сетона. Они окружають преданнаго имъ Короля; старики, юноши, никогда необнажавшіе меча, всѣ рѣшились побѣдить или умереть съ Брюсомъ.

XX.

Война! ты также имѣешь свои дикія удовольствія, свои радости, которыя блистаютъ подобно искрѣ, вылетающей изъ щита на полѣ битвы. Таковы радости при кликѣ побѣдномъ, или клятвы мщенія при разбитіи, когда воинство провозглашаетъ имена храбрыхъ. Земля Британская, ты всегда была отечест-

вомъ героевъ и твои благородные воины всегда будутъ любить звуки лиры Англійской; а вы, которымъ дорога честь, знаете ли вы сію радость, которая заставляетъ проливать слазы? — Могли ли вы осуждать Брюса, когда на его мужествомъ лицѣ показались слезы, при видѣ подданныхъ, лобызающихъ его колѣна. Могли ль вы его осуждать? У брата его также повергнулась слеза, но устыдившись, онъ отвратилъ лице съ гордой улыбкою и спѣшилъ отереть слезу сію.

XXI.

Заря блестѣла. Колоколъ, возвѣщавшій заутреню, давно уже раздавался въ келіяхъ монастыря С. Бриды. Старшая сестра прибѣгаетъ къ убѣжищу Изабеллы и восклицаетъ: »Спѣшите, юная Княжна, благород-

ный странникъ ожидаетъ васъ у рѣшетки. Бѣдныя отшельницы Св. Бриды никогда невидали воина съ такимъ грознымъ видомъ. Мнѣ нужно Лади Изабеллу, сказалъ онъ.«

Княжна стояла на колѣняхъ и читала свою утреннюю молитву; она встаетъ и отвѣчаетъ: » Пустъ онъ вамъ повѣритъ свое посольство; я не могу говоритъ съ незнакомцемъ.«— »Сохрани меня святая Брида, Милади, вскричала отшельница: за титулъ игуменьи я не отказала бы такому важному господину.« — «А развѣ земныя величія, сказала Изабелла, могутъ имѣть вліяніе на ваше сердце? Не ужели вы, подобно свѣтскимъ женщинамъ, заблуждаетесь при ложномъ блескѣ ?«

XXII.

»Нѣтъ, Милади; съ давняго времени драгоцѣнные камни и тщесла-

віе ничтожны въ глазахъ моихъ; — но непышная свита означаетъ достоинство странника, — съ нимъ одинъ только пажъ. Его ростъ подобенъ башнѣ; но крѣпкое сложеніе не дѣлаетъ его безобразнымъ. Черные, какъ агатъ, волосы, уже оттѣнены снѣгомъ лѣтъ; они вьются вкругъ чела, какъ лоза винограда. Привычка къ битвамъ сдѣлала взглядъ его суровымъ; но я увѣрена найти въ немъ покровительство, еслибъ оно было нужно.« — »Довольно, прервала Княжна, это надежда Шотландіи, ея радость, ея величіе! никогда смертный не будетъ столь благороденъ; это избранный Небомъ, возвращенный отечеству. Спѣши, Мона, спѣши ввести моего брата, любезнаго Короля Брюса.«

XXIII.

Дружески обнимаются братъ съ сестрою, послѣ долгой разлуки. Но когда прошли первые восторги, Брюсъ съ любопытствомъ взираетъ на внутренность кельи, на голыя стѣны и жесткую постель. » Это ли твое пышное жилище, сказалъ онъ, бѣдная Изабелла, это ли твое царское ложе! Богатыя ткани и камни, долженствующіе украшать твой санъ, замѣнены простыми четками и волосянымъ поясомъ. Вмѣсто трубъ и литавръ, возвѣщающихъ пиршества и веселья игры двора, печальный звонъ колокола призываетъ тебя къ молитвѣ и покаянію. Нещастная сестра того, кто наслѣдовалъ правамъ перваго Давида, нужно ли было, чтобъ щастіе оружія измѣнило правамъ моимъ. «

XXIV.

»Оставь пустыя жалобы, будь непоколебимымъ Брюсомъ! Я буду менѣе славиться, случайно получивъ корону, нежели тѣмъ, что я раздѣляла твои нещастія, въ то время, какъ рука твоя вооружалась за отечество. Не оскорбляйся, если не заблуждаюсь болѣе пустыми удовольствіями. Небо обратило на меня свой взоръ и спасло отъ кораблекрушенія; оно испытало меня со всею строгостію. Разрушеніе нашего дома, твое пораженіе, смерть Нигеля — поразили мое сердце. Въ Небѣ всѣ мои надежды; земныя величія не обольстятъ меня въ семъ мірѣ.«

XXV.

»Нѣтъ, Изабелла, отвѣчалъ Брюсъ, нѣтъ! прежде нежели сдѣлаешь вы-

боръ, склони слухъ къ словамъ брата.... подумай, что въ монастырскомъ покаяніи посѣтятъ тебя мысли, болѣе пріятныя... можетъ быть воспоминаніе неизвѣстнаго рыцаря, побѣдителя на турнирѣ Вудстокскомъ... ты краснѣешь; что бы ты сказала, когдабъ онъ положилъ къ ногамъ твоимъ лавръ, болѣе славный?« —Проницательный взоръ Брюса увидѣлъ, что румянецъ изчезалъ на ланитахъ Изабеллы, подобно лучу вечерняго солнца, которое, озаривъ края облаковъ, вдругъ скрывается. Но Изабелла отвѣчала голосомъ строгимъ: »Я отгадываю намѣреніе моего брата, ибо слава его проникла въ сіе молчаливое убѣжище и извѣстила насъ, что голосъ Рональда созвалъ жителей острововъ подъ его знамена благородныя. Я знаю также, что рыцарь — побѣдитель на

турнирѣ — и Рональдъ—есть одинъ и тотъ же воинъ. Если бы, свободный отъ всякаго другаго обязательства, онъ сталъ искать союза со мною, то имя его и дружба съ моимъ братомъ имѣли бы, можетъ быть.... но удали твоего пажа; при немъ не могу я говорить свободно.«

XXVI.

Пажъ стоялъ въ такомъ отдаленіи, сколько позволяла узкая келья; съ встревоженнымъ взоромъ и сердцемъ пораженнымъ стоялъ онъ, опершись на мечь Брюса и держа его плащь, онъ закрывалъ имъ лице свое. «Не бойся сего свидѣтеля, сказалъ Робертъ, я обязанъ ему жизнію и онъ меня рѣдко оставляетъ; я увѣренъ въ его молчаніи, ибо природа осудила его къ вѣчному безмолвію.

Кротость его несравненна ; я хочу, чтобъ онъ жилъ въ кельѣ отца Августина и посвятилъ услуги свои сестрѣ Изабеллѣ; не внимай его слезамъ; я видѣлъ, какъ онѣ катились съ силою тающаго снѣга, текущаго съ горъ при возвратѣ весны. Это юный Бардъ, который заслуживаетъ все наше вниманіе, но который слишкомъ слабъ, чтобъ сносить гоненія судьбы. Тѣ, кои хотятъ слѣдовать за Брюсомъ, должны умѣть бороться съ бурями. Но продолжай, любезная Изабелла, что долженъ я отвѣчать Лорду Рональду ? «

XXVII.

»Скажи Рональду, что сердце, которымъ желаетъ онъ обладать, принадлежитъ Богу ; любовь моя была подобна лѣтнему цвѣту, который увядаетъ въ холодное вре-

мя. Онъ исчезъ вмѣстѣ съ блестящими мечтами, которыя его произвели. Если Рональдъ будетъ требовать, скажи, что онъ соединенъ съ тою, которая получила его слово и кольцо обручальное; клятвы на крестѣ и мечѣ суть священныя цѣпи, его оковывающія. А ты, Робертъ, который просишь за него, ты, который былъ покровителемъ нещастной женщины; опасность тебѣ угражала, Англичане тебѣ преслѣдовали, бѣгство было для тебя единственнымъ спасеніемъ; но ты слышалъ вопли женщины въ болѣзняхъ дѣторожденія, ты возвращаешся и останавливаешь своихъ воиновъ; ты презираешь всѣ усилія непріятелей и не хочешь оставить нещастную женщину на волю воиновъ безжалостныхъ (7). Будучи столь великодушенъ, не ужели ты станешь угнетать и безъ того не-

щастную невѣсту Рональда? уже ли станешь оправдывать его измѣну, способствовать его невѣрности! — Но клянусь Небомъ, что я небуду внимать его словамъ и просьбамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не положитъ къ стопамъ моимъ обручальное кольцо и письмо отъ той, которая получила его клятвы, что она освобождаетъ его отъ своего слова.«

XXVIII.

Уступая внезапному порыву, чувствъ, пажъ бросается въ обьятія Изабеллы, но опомнившись наклоняетъ голову, становится на одно колѣно, два раза цѣлуетъ ея руку, встаетъ и въ молчаніи выходитъ изъ кельи. Изабелла пришла въ смятеніе и румянецъ покрылъ ея ланиты. »Не сердись на его смѣлость, сказалъ добрый король Робертъ, про-

сти ему, сестра: онъ изъясняется знаками; онъ знаетъ, какую должность я ему назначилъ, и не могъ удержать своей радости.... А ты, Изабелла, подумай хорошенько о выборѣ, который хочешь сдѣлать, и вѣрь, что я не хочу дѣйствовать тирански, принуждать тебя отдать руку и сердце, ни требовать, чтобы Рональдъ забылъ дочь Лорна. Подумай хорошенько; еще не много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты любила вздыхать, и пѣсни, тобою предпочитаемыя, были всегда о любви нещасливой. Нынѣ ты свободна и избираешь себѣ келью. Ахъ, еслибы братъ Эдуардъ зналъ сію перемѣну, какое обширное поле нашелъ бы его сатирическій духъ, разсуждая объ упрямствѣ женщинъ!«

XXIX.

» Братъ мой, отвѣчала Изабелла, я не удивлялась бы насмѣшкамъ Эдуарда: добръ, откровененъ съ грубостію, онъ всегда былъ врагомъ принужденности и мыслей мечтательныхъ; но ты имѣешь другой нравъ. И такъ, скажи Рональду, прибавила Изабелла, скажи, чтобъ онъ принесъ къ ногамъ моимъ обручальное кольцо, похитившее его свободу, кольцо, которое Эдиѳа должна отдать добровольно. Но когда онъ и будетъ свободенъ отъ узъ, его связующихъ, не обѣщаю предпочесть супруга мраку кельи. Прощай, братъ мой, прощай на время; колоколъ призываетъ меня къ другимъ обязанностямъ. «

XXX.

» Вотъ навсегда потерянная для свѣта, сказалъ Брюсъ, оставляя дочь Короля. Какой драгоцѣнный камень погребенъ будетъ въ этой кельѣ. Увы! рука нещастія разрушила въ ней нѣжныя, тайныя чувства любви!... Но что мнѣ съ любовію дѣлать? нужды важнѣйшія занимаютъ мои мысли.

» Намъ нельзя болѣе оставаться на семъ островѣ, который скоро будетъ не въ состояніи удовлетворять нашимъ нуждамъ; противу насъ, на твердой землѣ, возвышаются башни Турнбера, ожидающія моихъ воиновъ. Кутбергъ, обитающій на семъ брегѣ, не можетъ ли извѣстить меня пламенемъ сигнала о времени, способномъ для отъѣзда?.... будемъ надѣяться; другъ вѣр-

ный исполнитъ мое посольство; Эдуардъ найдетъ посланника. Если крѣпость сія будетъ въ нашихъ рукахъ, то флоты всѣхъ острововъ соединятся при берегахъ Каррика.«

» О Шотландія! отмщу ли наконецъ въ бояхъ твои обиды? подниму ли свое побѣдоносное чело, чтобъ узрѣть свободу, возвращенную твоимъ холмамъ и долинамъ? Вотъ все, чего прошу я у Неба до моей смерти. «

Произнеся сіи слова, онъ тихо спускался съ холма, иногда останавливаясь въ порывахъ мечтательности. Наконецъ онъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ воины его стояли лагеремъ.

КОНЕЦЪ IV ПѢСНИ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ЧЕТВЕРТОЙ.

1. *Пар. IV.* Остановленый смертію въ своихъ намѣреніяхъ, Эдвардъ велѣлъ похоронить себя на границахъ Шотландіи и продолжать завоеванія; но сынъ его, мало заботясь о продолженіи войны, перенесъ тѣло отца своего въ Лондонъ и положилъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ съ слѣдующею надписью:

   Edwardus primus, Scotorum malleus,
   hic est pactum serva.

2. *Пар. VIII.* Романтическое преданіе острова Канни или Канней.

3. *Пар. IX.* Ужасное мщеніе, о которомъ и нынѣ еще свидѣтельствуютъ кости его жертвъ. Въ 1745 году, во время преслѣдованія Католиковъ, Священникъ д'Ейгъ совершалъ обѣдню въ сей пещерѣ. Священникъ и горцы, собравшіеся въ подземельѣ, состав-

ляли картину, достойную кисти Сальватора.

4. *Пар.* X. Стаффская пещера или храмъ Нептуна никѣмъ не можетъ быть описана. Всякой разъ, когда ее видишь, она кажется еще болѣе удивительною, болѣе величественною.

Ничего нѣтъ живописнѣе купы островов, окружающихъ Стаффу.

5. *Пар XII.* Полуостровъ Кантиръ соединяется съ Кнепдалемъ весьма узкимъ перешейкомъ. Дабы избѣжать опасностей неизвѣстнаго пути около мыса Кантирскаго, съ недавняго времени, говоритъ Паннактъ, стали тянуть корабли лошадьми для проходу изъ западнаго озера въ восточное.

6. *Пар. XVI.* Различіе въ характерахъ обоихъ братьевъ прекрасно описано въ Барбуровой исторіи Брюса.

7. *Пар. XXII.* Сіе произшествіе прославило рыцарское великодушіе Брюса и есть одно изъ тѣхъ, которыя Барбуръ весьма живо описываетъ. См. Barbour's Bruce, Booke XVI.

ПѢСНЬ V.

I.

Первые лучи зари утренней освѣщали прекрасный Лохъ-Ронза; легкими облаками поднимается дымъ надъ уединенною деревнею, которая губою и цѣпью горъ совершенно отдалена отъ міра остальнаго.

Рыбакъ развернулъ свой парусъ. Пастухъ ведетъ козъ на утесистую вершину Бенъ-Гхойля. Старушка сидитъ у дверей хижины и оживотворенная теплотою солнца, быстрѣе оборачиваетъ веретено.... Повсюду смертные пробуждаются къ новымъ трудамъ и заботамъ.

Звукъ колокола, до половины мхомъ покрытаго, призываетъ дѣвъ монас-

тырскихъ къ другимъ обязанностямъ. Уже прочтены первыя молитвы. Святыя таинства совершены, каждая сестра, повинуясь уставу, входитъ въ свою келію, чтобъ прочесть утреннюю молитву. Изабелла также преклоняетъ колѣна; лучь солнечный, прокравшійся сквозь занавѣсъ окна, упадаетъ на ея бѣлую шею и на черные волосы, которые осѣняютъ главу, съ благоговѣніемъ наклоненную.

II.

Молитва ея окончена; она поднимаетъ глаза, — видитъ на полу кольцо, украшенное алмазомъ и читаетъ надпись, прикрѣпленную къ оному шелковую нитью: »Лади Изабеллѣ.« — Она открываетъ: »кольцо сіе было нѣкогда залогомъ его слова. Я возвращаю ему оное, такъ какъ всѣ обѣ-

щанія и клятвы. Я уступаю права на руку мою владычицѣ его сердца. О ты, которую ожидаетъ участь щастливѣйшая, пожертвуй вздохомъ въ знакъ сожалѣнія къ нещасной Эдифѣ Лорнъ.« — Лучь радости заблисталъ въ глазахъ удивленной Изабеллы; но онъ тотчасъ угасъ — и стыдъ, приведшій ее въ краску, наказалъ за сіе движеніе сердца.

» Прочь отъ меня чувства, недостойныя моего рода; мысли виновныя, заставившія трепетать мое сердце, при видѣ соперницы униженной. «

» Залогъ клятвъ, которыя соединили неблагодарнаго съ невѣстою легковѣрною, нѣтъ, ты не обольстишь Изабеллы! Я оставлю тебя въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ свѣтскія мысли умираютъ, гдѣ земныя вели-

тія теряютъ свой ложный блескъ. »
Сказавъ сіе, она положила кольцо къ подножію распятія.

III.

Другая мысль занимаетъ ея душу. Та, которой принадлежитъ сіе кольцо, далеко отъ сего мѣста; какъ же могло оно сюда пройти сквозь рѣшетки и затворы? — но оконная рѣшетка полу-открыта; упреная роса легко измята. На стѣнѣ, мхомъ покрытой, видѣнъ знакъ ноги, которая, скользя внизъ, стерла зелень. Вѣтви ближняго куста къ раскинуты, для большаго удобства бѣгству. — »Кто тотъ дерзкій посланникъ, который осмѣлился на сіе предпріятіе?... я подозрѣваю.... но Мона идетъ сюда; ничто не избѣгаетъ ея любопытнаго взора. «Добрая мать, скажи, какіе стран-

ники входили сего дня въ сію обитель святости?« — «Никого не было, Княжна, кромѣ пажа твоего брата, который пришелъ, когда день едва занимался. Я пригласила его въ церковь; но онъ сокрылся быстрѣе стрѣлы. Казалось, что слезы текли изъ глазъ его.«

IV.

При сихъ словахъ истина открылась Изабеллѣ, подобно лучу солнечному, проглядывающему изъ за облака. «Это сама Эдифа!... Ея нѣмая печаль, ея поступь, ея взоры, открываютъ мнѣ сію тайну. Любезная Мона, поспѣши въ гавань къ Королю, попроси его сюда, и чтобъ онъ взялъ съ собою нѣмаго пажа, котораго онъ такъ любитъ.» — «Но развѣ неизвѣстно вамъ, что съ восходомъ солнечнымъ Король оста-

вилъ сей берегъ? Мои ослабѣвшіе глаза видѣли съ высотъ башни отъѣздъ воиновъ. Вчера они стояли лагеремъ посреди лѣса, а утромъ раздался рогъ ихъ храбраго Государя; воины стали рядами и сталь кóпій блестѣла изъ за кустовъ и деревьевъ. Но поспѣшавшіе удалились, не испросивъ помощи Неба, подобно оленямъ, которые, стрясая утромъ капли росы, покрывшія ихъ во время ночи, убѣгаютъ въ долину.» — «Но куда Король направилъ путь свой?» — «Я узнала, что óнъ пошелъ къ губѣ Бродикской, гдѣ, какъ говорятъ, ожидаютъ его двадцать судовъ, долженствующихъ перевезти его воиновъ на берегъ Каррика. «Если таково его намѣреніе, то надо поспѣшать. . : позовите отца Агустина.» Монахиня повинуется и святой отецъ скоро приходитъ.

V.

«Отецъ мой, сказала Изабелла, подите какъ можно скорѣе въ гавань Бродикскую; будьте моимъ посланникомъ къ Брюсу, скажите, что прежде, нежели онъ оставитъ берегъ сей, не льзя ли ему поговорить со мною. Еслижъ это не возможно, то пусть онъ ввѣритъ вамъ нѣмаго пажа; скажите, что Изабелла усильно проситъ его объ этомъ, и что имѣетъ причины, которыхъ не можетъ изъяснить. Подите, святой отецъ; подумайте, что ваше посольство принесетъ жизнь или смерть!» — Старый священникъ закинулъ капишонъ, оперся на свою суковатую палку и, согбенный лѣтами, подобно пилигриму началъ путь свой по мху болотному.

VI.

Шаги старости не поспѣшны: путь великъ и труденъ; но не было другаго, кому бы можно было поручить сіе посольство. Монахъ шелъ посреди кустовъ. Онъ слѣдовалъ теченію многихъ потоковъ, которые, вырвавшись изъ вершинъ утесовъ, съ ревомъ и быстротой катили свои шумныя воды и дробились блестящею пѣною. Дикая корозайка безъ опасенія летала около старца. Онъ проходилъ по стезямъ, усѣяннымъ пропастями (1), которыя требовали быстраго взгляда и поступи твердой. Путникъ взираетъ на камни Друидовъ (2), служившіе жертвенниками нашимъ предкамъ, и посреди уединенныхъ памятниковъ героевъ—идолопоклонниковъ, онъ молится за тѣхъ, которые пали прежде, нежели

солнце Силойское для насъ возсіяло. Онъ преклоняетъ колѣна у креста Маракаѳалланскаго; читаетъ подъ тѣнію свою молитву и утоляетъ жажду въ ручьѣ ближайшемъ. Потомъ при наступленіи ночи, онъ взошелъ на холмъ, на зеленой вершинѣ котораго возвышались готическія башни Бродикка. Дугласъ отнялъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ у Гастингса, вассала Англійскаго. Солнце скрываясь за островомъ, освѣщало его своими лучами послѣдними.

VII.

Не смотря на приближеніе ночи, все было въ движеніи въ гавани Бродикской. Воины Брюса расположились на берегу; одни работаютъ на корабляхъ и галерахъ; другіе развертываютъ паруса и дѣйствуютъ веслами, глаза ихъ часто обращаются

къ горизонту, гдѣ видна была свѣтящаяся точка, подобная звѣздѣ небесной. Сей отдаленный огонь блисталъ на Югѣ. При склоненіи дня свѣтъ ея былъ блѣденъ и казалось умиралъ. Но едва ночь разпростерла покровъ свой надъ Каррикомъ, пламя блистало болѣе и болѣе.

Усталыя стопы монаха уже подавляютъ пески берега; онъ находится посреди зрѣлища, страннаго для служителя алтарей. Это воины, вооружающіеся къ бою и приготовляющіе свои запасы воинскіе. Въ рукахъ блистаютъ у нихъ топоры и копья; слухъ святаго отца часто поражается языкомъ, котораго онъ не привыкъ слышать (3). Вожди поспѣшаютъ, подобно бурнымъ волнамъ океана и отдаютъ приказанія воинамъ повелительно и нетерпѣливо.

VIII.

Монахъ прошелъ сїю армїю и подошелъ къ Брюсу, который стоялъ опершись на галеру, оставшуюся на сушѣ и которую приливъ опять долженъ былъ взять въ море. Брюсъ считалъ каждую волну, проходившую орошать бокъ судна. Онъ обращалъ свой взоръ къ отдаленному огню, опускалъ забрало шлема и рука его невольно упадала не мечь. Эдуардъ и Ленноксъ стояли близъ него. Дугласъ и Рональдъ повелѣвали воинамъ приготовиться къ отъѣзду скорѣйшему.... Монахъ подходитъ къ Королю и съ почтенїемъ предъ нимъ наклоняется. »Не ужели, сказалъ Король, ты пришелъ изъ далекаго мѣста съ тѣмъ только, чтобъ благословить отъѣздъ нашъ?«

»Государь, будучи вѣрнымъ под-

даннымъ, я всегда прошу Небо объ успѣхахъ твоего оружія; но у меня есть другой вопросъ« — и тутъ онъ разсказалъ порученіе Изабеллы. »Клянусь всѣми святыми, ты приводишь меня въ отчаяніе; нынѣ утромъ, я послалъ его въ С. Бридъ съ приказомъ тамъ остаться.« — » Это правда, что онъ приходилъ, мнѣ сказала о томъ привратница; но онъ тамъ недолго оставался.«

IX.

Тогда Эдуардъ сказалъ: » я нашелъ для пажа дѣла, болѣе важныя, въ безпокойствѣ искавъ надежнаго человѣка, который бы могъ отнести Кутберту твои повелѣнія; съ восходомъ солнечнымъ вошелъ я по случаю въ церковь, гдѣ совершали служеніе, и увидѣлъ тамъ нѣмаго пажа; онъ сидѣлъ на гробницѣ и пла-

калъ о своей юности, назначенной для мрачной келіи. Я ему предложилъ сіе посольство, и тотчасъ удовольствіе блеснуло на его лицѣ; онъ побѣжалъ, сѣлъ въ легкій челнокъ, попутный вѣтръ наполнилъ его парусъ и я вижу, что онъ вѣрно исполнилъ мои повелѣнія; ибо огонь, блистающій на горизонтѣ, показываетъ, что Клиффордъ незаботится о сохраненіи замка своихъ предковъ.«

X.

« Безразсудный, вскричалъ Король; можно ли быть такъ жестоку, чтобъ подвергать опасностямъ сироту — ребенка, который не въ состояніи ни бѣжать, ни защищаться, ни даже просить пощады. Если бы нѣкогда я получилъ права свои, то лучше бы отдалъ корону, но не подвергнулъ бы опасностямъ сего пажа без-

защитнаго. « — »Государь и брат, отвѣчал Эдуард, не предавайся гнѣву; я не ждал от тебя таких упреков. Я думал, что неизвѣстный странник скорѣе пройдет к Кутберту, нежели который нибудь из рыцарей; ибо всѣ они извѣстны врагам. Его присутствіе не будет примѣтно; он дѣятелен и нещастіе защитит его. Еслиж он и будет открыт, то никогда не узнают о предметѣ его посольствѣ; если он будет пойман, то уста не измѣнят ему. Притом сіе благотворное пламя могло бы заслужить прощеніе ошибкѣ, болѣе важнѣйшей. « — » Твой поступок был безразсуден, но не время говорить о нем: поспѣшим отъѣздом. Святой отец, скажи Изабеллѣ, что нещастный случай не позволяет мнѣ исполнить ея желанія. Если побѣда

будешъ мнѣ благопріятствовать, то я пришлю ей пажа. Поклонись ей отъ меня и не забудь насъ въ своихъ молитвахъ. «

XI.

» Ахъ! отвѣчалъ священникъ, до тѣхъ поръ, пока рука моя можетъ поднять четки и дѣлать знакъ крестный, пока голосъ мой, ослабѣвшій отъ старости, въ силахъ будетъ выговорить нѣсколько словъ, никогда Король Брюсъ не будетъ забытъ вѣрнымъ Августиномъ. « Тогда приблизился Рональдъ и тихо сказалъ ему: » Извѣсти Княжну, что я, сражаясь за Шотландію и свободу подъ знаменами Брюса, прошу, чтобъ она позволила ея рыцарю носить на шлемѣ какой нибудь ея девизъ. Онъ будетъ блестѣть и приводить въ трепетъ храбрыхъ рыцарей

Англійскихъ. Чтожъ до сего пажа, то во время, когда Брюсъ будетъ отзываемъ дѣлами важнѣйшими, Рональдъ станетъ пещись о немъ. Мой плащь будетъ служить ему ложемъ, а мечь защитою!« — Тутъ онъ перестаљ говорить; ибо усилія тысячи мощныхъ рукъ заставили суда далеко отплыть отъ берега. Ихъ было около тридцати и на каждой изъ оныхъ находилось сто восемдесятъ воиновъ. Съ такими-то силами Брюсъ поплылъ завоевать тронъ или умереть.

XII.

Уже всѣ суда на морѣ и колеблются на пространномъ океанѣ; уже волны, разсѣкаемыя рулемъ, блистаютъ искрами серебряными. Флотъ удаляется; однѣ молніи оружія воиновъ видны съ берега; шумъ и плесканіе волнъ смѣшивается съ пѣснями Бардовъ.

»Да благословитъ ихъ Богъ! сказалъ священникъ, увидя галеры, скользящія по влажной стихіи; когда обнажается мечь за независимость народовъ, за права Монарха, то повели Боже, чтобъ сіи сыны свободы наносили врагамъ двойныя раны; опрокинь знамена непріятельскія и пусть народы познаютъ побѣду, даруемую Богомъ!«

Когда Августинъ взошелъ на холмъ, то оборотился и въ послѣдній разъ благословилъ флотъ Брюса. Его глаза долго за нимъ слѣдовали, пока онъ совершенно изчезъ; направивъ стопы къ башнѣ Бродикской, онъ нашелъ тамъ убѣжище во время ночи.

XIII.

Плывущіе уже потеряли изъ виду тѣ очаровательныя мѣста, гдѣ острова Кумрайя окружаютъ заливъ

Клидскій поясомъ лиственнымъ; лѣса Бютскіе убѣгаютъ на волнахъ. Радостные матросы ударяютъ легкими веслами въ нѣдра тихаго океана и рыцари, привыкшіе управлять копьями, гребутъ вмѣстѣ съ простыми воинами. Луна, полу-задернутая облакомъ, бросаетъ тихіе и блѣдные лучи на бѣлые паруса. Кормчій направляетъ руль къ тому мѣсту, гдѣ сіяетъ пламенникъ; крики, часто вторимые, (таковъ былъ приказъ Короля, чтобъ всѣ галеры причалили въ одно время), показываютъ, должно ли ускорить или утишить бѣгъ; флотъ приближается къ странамъ западнымъ и скоро достигнетъ береговъ Каррика. Уже видѣнъ сигнальный огонь, безпрестанно увеличивающійся. Сіе пламя, которое издали казалось едва примѣтною точкою, блистающею звѣздою, теперь

величественно сіяетъ посреди ночи; оно обнимаетъ Небо и разпространяется надъ волнами. Береговыя скалы и ближайшіе острова, казалось, плавали въ огненномъ океанѣ. Морская птица, ослѣпленная симъ свѣтомъ, пронзительно кричитъ и скрывается подъ пѣнистою волною: олень убѣгаетъ въ чащу лѣса и пѣтухъ поетъ пѣснь утреннюю, думая видѣть восходящую зарю. Вскорѣ вся долина кажется воспламененною, какъ будто бы пожаръ обнялъ древній замокъ. » И такъ, братъ мой, по твоему мудрованію, что ты думаешь о хитрости пажа? « — » Пусть плывутъ ближе къ берегу! мы скоро узнаемъ истину, каковабы она ни была. Кутбертъ съ пажемъ не могутъ одни воспламенить такой огонь. « —

XIV.

Всѣ галеры приближаются къ берегу; Эдуардова втирается въ песокъ; тогда нетерпѣливый рыцарь бросился въ море и имѣя воду по поясъ первый взошелъ на берегъ, между тѣмъ какъ воины спорили, кому первому сходить съ галеры. Вдругъ пламя, издали казавшееся неподвижнымъ, пробѣгаетъ воздухъ, подобно воспламененной колесницѣ Пророка; шлемы, топоры и копья отражаютъ сей удивительный свѣтъ и воины видятъ товарищей своихъ блѣдныхъ отъ ужаса. Но свѣтъ изчезъ и скоро мракъ воцарился на брегѣ.

Рональдъ молился; неустрашимый Дугласъ ограждался крестомъ. » Св. Іаковъ, не оставляй насъ,« восклицаетъ Ленноксъ. Но Эдуардъ съ видомъ безпечности

спрашиваетъ Кирпатрика: «не видалъ ли ты раздраженной души Комина, которая показалась въ семъ пламени, и перестанешь ли ты сомнѣваться о его смерти (*)?...» — «Тише, вскричалъ Король, мы скоро узнаемъ, естьли этотъ огонь пустое видѣніе, или хитрость непріятеля. Стройтесь въ ряды!»

XV.

Блѣдный свѣтъ луны слабо замѣнялъ сіе сверхъ-естественное пламя въ тихой губѣ и на влажныхъ пескахъ. Король Брюсъ приводилъ въ порядокъ свои войска, когда увидѣлъ нѣмаго пажа, скользящаго по тропинкѣ ведущей къ морю. Онъ почтительно преклоняетъ колѣно передъ Брюсомъ и подноситъ ему свертокъ.

(*) См. 7 примѣчаніе II пѣсни.

«Принесите факелъ; мы скоро узнаемъ, о чемъ извѣщаетъ насъ Кутбертъ.»

Кутбертъ увѣдомлялъ, что войска Клиффорда многочисленны и остерегаются нападать, что не давно были они усилены толпою горцевъ, предводимыхъ Барномъ Лорномъ. Храбрость и вѣрность оставили сію страну, давно игомъ порабощенную. Мрачное рабство отягчило жителей Каррика.

Кутбертъ видѣлъ пламя и не зналъ чему оное приписать; боясь измѣны, онъ прислалъ назадъ нѣмаго пажа и извѣщалъ объ опасности, которая угрожаетъ Брюсу, если онъ пристанетъ къ этому берегу.

XVI.

Вожди собрались вкругъ факела и Брюсъ громкимъ голосомъ прочелъ сіи безпокойныя новости.

»Теперь, благородные рыцари объявите ваши мнѣнія? Должно ли намъ засѣсть въ лѣсу и ожидать удобнаго случая для довершенія нашего предпріятія, или взойти на суда, чтобъ искать новаго убѣжища?«— Суровый Эдуардъ отвѣчалъ: »Пусть будетъ, что будетъ; но владѣтели Каррика должны остаться въ Каррикѣ: я не хочу чтобъ Бардъ сказалъ нѣкогда, что метеоръ или какой ложный огонь остановилъ наши намѣренія. Если Король съ побѣдою вступитъ въ сіи стѣны, то успѣхъ сей пробудитъ храбрость и вѣрность въ сердцахъ благородныхъ.«

»Какой стыдъ, воскликнулъ Рональдъ, если Торквиль не застанетъ насъ здѣсь. Не повѣрю, чтобъ страна сія, столь обильная въ сердцахъ великодушныхъ, страна, питавшая Брюса и Валласа, могла бы

долго сносить иго тирановъ. « — » Должно испытать щастіе, « вскричалъ тогда Бойдъ, Лагей, Ленноксъ и другіе вожди. Брюсъ принялъ ихъ намѣреніе и сказалъ: »гордые жители Юга завладѣли замкомъ моимъ; но скоро придетъ время, въ которое Клиффордъ принужденъ будетъ отдать свой долгъ. Слѣдуйте за мною; сіи лѣса и тропинки мнѣ всѣ извѣстны. Я проведу васъ въ убѣжище надежное.«

XVII.

Что скажу теперь на вопросъ вашъ, отъ чего произходило сіе пламя таинственное (4), которое обмануло нашихъ воиновъ. Неизвѣстно, кто возжегъ его; но наши суевѣрные предки увѣряютъ, что оно было воспламененно не смертною рукою. Повѣствуетъ, что ежегодно въ ту ночь,

когда Брюсъ вступилъ на берегъ Каррика, то же пламя красноватымъ блескомъ освѣщаетъ горы, долины и волны океана. Но можетъ быть то былъ небесный огнь, благопріятствовавшій высадкѣ Короля; или пламя, изшедшее изъ ада, для привлеченія опасностей и смерти на главу Государя; или, можетъ быть, то былъ метеоръ, какіе часто обманываютъ заблудшихъ странниковъ. Что это было — того не знаю. . . . и никто не будетъ знать.

XVIII.

Воины Брюса проходятъ лощину, окруженную скалами. Рональдъ, вѣрный своему слову, подавалъ руку пажу и помогалъ ему въ семъ трудномъ пути.

» Смѣлѣе, бѣдный Амадинъ (имя которымъ разбойники называли плѣн-

ника) ; отъ чего сердце твое трепещетъ ? развѣ ты не опираешься на мою руку ? развѣ мой плащь не служитъ тебѣ защитою? Эта тройна кожа, буйвола развѣ не составляетъ намъ хорошаго покрова? Развѣ изъ худой стали мечь клана Коллы. Робкій пажъ, не ужели ты можешь чувствовать боязнь ? Смѣлѣе, будь увѣренъ, что Рональдъ умѣетъ пещись о тебѣ. «

Случается иногда, что стрѣла, пущенная на удачу, достигаетъ своей цѣли, вопреки ожиданіямъ ее направившаго ; такъ слово, произнесенное безъ намѣренія, льститъ или раздираетъ нещастное сердце, раздѣленное между любовію и боязнью.— Пажъ прижимается къ Рональду. Чувство отчаянной радости заставило его забыть страхъ, свою ус-

шалость и печали: любовь занимала всѣ его мысли.

XIX.

Воины перешли границы мрачныхъ береговъ чрезъ скалы утесистыя. На валахъ отдаленаго замка были слышны отклики часовыхъ. Ихъ голоса раздаются въ долинѣ и на морѣ и показываютъ осторожность враговъ.

Брюсъ пришелъ къ пространному парку замка. Не ищите въ немъ величественной тѣни; топоръ все разрушилъ; но въ замѣну тутъ находились подстриженныя деревья, украшающія зеленый лугъ; здѣсь прекрасные кусты представляютъ убѣжище смирному павлину; здѣсь холмы осѣнялись густыми деревьями и вязы далеко раскидывали свою роскошную тѣнь; а тамъ древніе дубы

величественно стояли съ сучьями засохшими. Луна прелестно освѣщала сію долину съ холмами и пригорками. Брюсъ вздохнулъ при видѣ тѣхъ мѣстъ, которыя онъ такъ любилъ. Тогда былъ онъ свободенъ ; а теперь, подобно осужденному, блуждаетъ подъ сими тѣнями уединенными.

XX.

Воины Брюса ускоряютъ шаги. Горе имъ , если бы заря застигла ихъ въ сей открытой долинѣ. Они преходятъ ручьи и лѣса, попираютъ песокъ и мохъ.

Холодный потъ каплями катится съ чела младаго пажа. Онъ съ трудомъ передвигаетъ свои утомленныя стопы. » Не унывай, сказалъ ему Рональдъ, еще нѣсколько усилій ! Я помогу тебѣ въ перенесеніи усталос-

ти. Мои руки сильны и мнѣ легко будетъ нести такую тяжесть, какъ ты. Но почему ты отказываешь мнѣ въ этомъ, упрямое дитя; такъ я оставлю тебя на произволъ твоихъ собственныхъ силъ.... еще одна ночь, и я отошлю тебя къ прекрасной дамѣ; тамъ будешь ты играть на лютнѣ и говорить, сколько Рональдъ любитъ Изабеллу! « При сихъ словахъ, истощенный усталостію и печалью, пажъ оставляетъ плащь; всѣ члены его трепещутъ и отказываютъ ему въ помощи; онъ падаетъ на росу нощную.

XXI.

Что дѣлать? День скоро возсіяетъ, воины Брюса идутъ шагами поспѣшными; а Рональдъ вмѣнилъ бы себѣ въ вѣчный стыдъ не сражаться въ первыхъ рядахъ. » Видишь ли сей

дубъ; время изрыло въ немъ дупло, подобное темному гроту; взойди въ сіе убѣжище; тамъ, завернутый въ мой плащь, ты можешь отдохнуть. Вѣрь, что я буду не далеко; но мнѣ нельзя оставить воиновъ. Я узнаю дерево, которое тебя скрываетъ, и ты скоро увидишь мое возвращеніе, чтобъ вывесть тебя изъ опасности. Осуши свои слезы, бѣдное дитя!.... Спи спокойно и проснись для щастія.» Рональдъ сокрылъ пажа въ семъ тѣсномъ убѣжищѣ и скоро догналъ войско.

XXII.

Оставленый такимъ образомъ, юный пажъ долго плакалъ; но усталость, превозмогшая печаль, заставила его заснуть. Вдругъ звуки голоса дикаго его пробудили. » Да, здѣсь, подлѣ этаго дерева прошелъ звѣрь. . . .«

Старый Рино остановился подъ дубомъ.» Что это, вскричалъ онъ, Шотландскій плащь и дитя, въ него завернутое! Ну, выходи скорѣе; Какъ тебя зовутъ? что ты здѣсь дѣлаешь?.... Но онъ молчитъ!.... А, я отгадываю!... Это шпіонъ къ Кутберту, нынѣ пріѣхавшій съ Аррана.... друзья! возвратитесь скорѣе; господинъ нашъ найдетъ способъ развязать языкъ нѣмому шпіону.... дай мнѣ тетиву съ лука, чтобъ его связать. Но онъ плачетъ; я думаю, что онъ очень испугался. Ну, такъ мы его поведемъ не связаннаго. Не бойся... Это прекрасное дитя для Шотландіи.... и охотники повели бѣднаго плѣнника.

XXIII.

Храбрый Клиффордъ приготовлялся къ утренней охотѣ на дворѣ сво-

его замка. То говорилъ онъ съ Лорномъ, то ласкалъ собакъ и лошадей. Прекрасные бѣгуны въ нетерпѣніи ударяли копытомъ о землю и собаки лаяли. . . . Амадинъ какъ въ видѣніи услышалъ знакомый голосъ Барона Лорна, смѣшивающійся съ звономъ трубъ; сіи звуки его поколебали, подобно тѣмъ, которые мечтатель думаетъ слышать въ плескѣ волнъ или въ бушеваніи бури. Но разговоръ двухъ вождей поразилъ его болѣе.

XXIV.

» Если такъ была она похищена, сказалъ Клиффордъ, то будь увѣренъ, что монахъ раскается. Но ты его спрашивалъ; что отвѣчалъ онъ? « — » Онъ признается, что переодѣтая Эдиѳа взошла на его ладію, и онъ одинъ узналъ ее; но

что судно, посланное Лорномъ, ихъ остановило и разбойники взяли ихъ въ плѣнъ. Монахъ предлагалъ ему золото за выкупъ; разбойникъ согласился; но въ самое сіе время дунулъ столь сильный вѣтръ, что раздѣлилъ оба судна. Буря была такова, что лодки, весь экипажъ, все было погребено въ волнахъ. Дай Богъ, чтобъ Эдифа, сокрывшись въ нѣдрахъ океана, могла навсегда изгладить стыдъ, нанесенный ею могущественному и знаменитому дому Лорна.

XXV.

Въ сіе время Квиффордъ увидѣлъ плѣнника. » Кого ты привезъ намъ, Гербертъ?» вскричалъ онъ охотнику. » Шпіона, котораго мы нашли въ дуплѣ дуба. « — » А что онъ говоритъ? « —» Ничего. Онъ притворяется нѣмымъ. « — » Ну, такъ мер-

твую петлю ему на шею, если только Лорнъ не будетъ противиться въ разсужденіи плаща, которымъ одѣтъ ребенокъ« — Это плащь Коллы, сказалъ Лорнъ, обращая болѣе вниманія на одежду, нежели на лице плѣнника, тамошнія женщины ихъ ткутъ. Ниплащь, ни тотъ, кто его носитъ, не заслуживаютъ моего покровительства. По мнѣ, такъ привязать его къ старому дубу и оставить качаться до тѣхъ поръ, пока страхъ развяжетъ ему языкъ. Но чтобъ онъ не умеръ безъ печальныхъ пѣсенъ его клана.... Ангусъ-Рай, ты долженъ присутствовать при его смерти и пѣть погребальныя пѣсни клана Коллы.

» О братъ, всегда жестокій!» сказалъ плѣнникъ самому себѣ. Будучи твердъ въ своемъ намѣреніи, онъ тихо произнесъ послѣднее *прости*.

XXVI.

Но твердость не оставитъ-ли его при видѣ ужаса? одного слова довольно для возвращенія ему жизни; неужели онъ останется глухимъ при гласѣ чувства, которое повелѣваетъ намъ всѣмъ жертвовать для сохраненія дней своихъ? — Но любовь, столько же сильная какъ и смерть, укрѣпляетъ его силою сверхъестественною. Онъ будетъ безмолствовать; ибо одно слово его подвергнуло бы Рональда мечу непріятельскому.

Пѣснь клана Коллы далеко раздается; исполнитель приговора идетъ послѣ пажа. Они уже въ паркѣ и приближаются къ старому дубу, назначенному быть мѣстомъ казни. Какія мысли занимаютъ Амадина, когда онъ напрасно ждетъ помощи изъ долины?

Какія мысли его занимаютъ при шептаніи молитвъ надъ его головою. Рѣшится ли онъ на смерть, или тайна вырвется изъ его сердца? — Ужасъ покрываетъ чело холоднымъ потомъ и уста блѣднѣютъ.

XXVII.

Но въ близи есть свидѣтели, которыхъ ужасъ никогда не устрашалъ.

Мрачные звуки пѣсни были услышаны воинами Брюса, которые находились въ засадѣ. Государь острововъ поднимаетъ глаза и видитъ... «Клянусь Небомъ, юнаго пажа ведутъ на казнь. Эта погребальная пѣснь есть насмѣшка надъ Рональдомъ! Они мнѣ дорого за нее заплатятъ!»

Брюсъ удерживаетъ его за руку. » Ни одного волоска не тронутъ они на головѣ его, сказалъ Король;

но дождись моего приказа. Дугласъ! веди пятьдесятъ воиновъ по дну этаго высохшаго ручья, прилегши къ землѣ, и пресѣки путь бѣгущимъ. Копье, поднятое въ верхъ надъ кустарникомъ, покажетъ, что мы готовы. Ты, Эдуардъ, возьми сорокъ, вооруженныхъ копьями, пройди черезъ лѣсъ и остановись у воротъ замка; когда же услышишь шумъ боя, то иди впередъ, чтобъ занять всѣ мѣста. Потомъ овладѣй мостомъ подъемнымъ, входомъ, ведущимъ въ замокъ, и останься на дворѣ онаго. Остальные воины тихонько за мною послѣдуютъ, пока Дугласъ устроитъ засаду.»

XXVIII

Подобно коню, жаждущему боя, и съ нетерпѣніемъ ожидающему знака, Рональдъ, скрываясь въ кустахъ,

трепещетъ отъ ярости. Онъ уже держитъ свой мечь, коего голубоватая сталь скоро окрасится кровію враговъ. Брюсъ наблюдательнымъ взоромъ слѣдуетъ за своими воинами, измѣряя пространство, которое долженъ пройти Дугласъ, прежде нежели займетъ мѣсто назначенное. Но погребальная пѣснь окончена; въ молчаніи ведутъ пажа къ роковому дубу; молитва тихо прочтена надъ жертвою смерти. . . . но какая молнія заблистала посреди мрачности лѣса? То копье и сигналъ Дугласа. »Благородный вождь, вскричалъ Брюсъ, я тебя не удерживаю болѣе; Рональдъ — лети! «

XXIX.

»Брюсъ! Брюсъ! — сей крикъ столь извѣстный и столь часто повторяемый эхомъ лѣсовъ и скалъ, узрѣвшихъ

рожденіе Монарха; Брюсъ, Брюсъ! сей ужасный крикъ есть вѣрный вѣстникъ тысячи смертей; изумленные Англичане смотрятъ, съ которой стороны разразится надъ ними буря сія. Но они отвсюду окружены, сжаты и изрублены. Брюсъ бросается въ средину сѣчи и мечь клана Коллы производитъ ужасы опустошенія. Всѣ упорствующіе умираютъ подъ ударами; горе тѣмъ, которые обращаются въ бѣгство, копье Дугласа ихъ ожидаетъ. Двѣсти воиновъ вышли изъ замка — и ни одинъ не возратился!

XXX.

Мечь Рональда не преслѣдовалъ бѣгущихъ. Онъ заботится о дѣлѣ, для него важнѣйшемъ и поднимаетъ пажа, который отъ страха упалъ безъ чувствъ на землю.

Два раза симъ утромъ онъ едва нечаянно не открылъ своей тайны, которую смерть не могла вырвать изъ груди его. — Когда Амадинъ опомнился, имя Рональда трепетало на его устахъ, но онъ замѣнилъ оное шепотомъ невнятнымъ. Сколько трудовъ стоило ему не измѣнить самому себѣ, когда Государь острововъ хотѣлъ освободить грудь его отъ узкой одежды, покровительствовавшей его стыдливости. . . . но вдругъ раздался рогъ Брюса; должно возвратиться къ бою.

XXXI.

Пылкій Эдуардъ нашелъ побѣду, болѣе трудную; онъ напалъ на входъ замка не дождавши сигнала. Такова была его смѣлость необыкновенная; часто сіе мужество одерживаетъ полный успѣхъ и дерзость выигрываетъ надъ ос-

торожностію. Онъ бросился на мостъ ударомъ меча разорвалъ цѣпи, которыми ею поднимали, топоромъ поразилъ часоваго, стоявшаго у порога двери, и трупъ нещастнаго воспрепятствовалъ затворить ее. Хотя храбро защищались Англичане, хотя Лорнъ и Клиффордъ дрались какъ герои; Эдуардъ нашелъ себѣ дорогу посреди сотни непріятелей, и скоро крики Брюсъ! Брюсъ! раздались по зáмку. Уже никакой надежды неоставалось Англичанамъ; свѣжіе воины безпрестанно приходили въ замокъ и упившіеся успѣхомъ и кровью, они прогоняли непріятелей отъ башни до башни. Мстительный мечь былъ безжалостенъ. Кровь лилась со всѣхъ сторонъ; лошади бѣгали по двору; лай собакъ раздавался подъ сводами башенъ. Скоро, кромѣ умирающихъ,

не осталось на землѣ ни одного живаго непріятеля.

XXXII.

Уже нѣтъ храбраго Клиффорда; кровь его пролилась подъ мечемъ Рональда. Но Лорнъ, болѣе щастливый, успѣлъ уйти дверью потаенною съ малымъ числомъ воиновъ; судно его стояло подъ крѣпостію и онъ поспѣшилъ отрубить веревку, его удерживающую. Горе, еслибы онъ встрѣтился съ Брюсомъ; онъ былъ бы убитъ подобно Клиффорду.

Торжественные крики радости раздавались подъ сводами замка и на другой день жители Каррика увидѣли на башнѣ развѣвающееся знамя Брюса съ крестомъ Св. Андрея.

XXXIII.

Брюсъ покорилъ за́мокъ своихъ предковъ (5). »Храбрые друзья и товарищи, сказалъ онъ, радуйтесь и торжествуйте вмѣстѣ со мною. Я всѣхъ васъ равно люблю: Лорда, вождей, воиновъ и нѣмаго пажа. Великій Боже, и такъ жилище предковъ моихъ снова содѣлалось моимъ! Здѣсь протекли первые дни моего дѣтства; вотъ тѣ своды, коихъ эхо часто повторяло мои восклицанія и крики игръ. Боже Небесъ, тебѣ приношу первыя чувства моей признательности; потомъ — вамъ, о друзья мои! . . . . « При сихъ словахъ Брюсъ знаменуется крестомъ и бросаетъ на столъ свой мечь, еще дымящійся, и обагренный по рукоять кровью жителей Юга.

XXXIV.

» Принесите четыре чаши (6), продолжалъ онъ, сохраненныя моими предками ; ими станемъ торжествовать освобожденіе Шотландіи. Да будетъ проклятъ тотъ Шотландецъ, который, пивши изъ оныхъ, не сдѣлаетъ , подобно мнѣ , искренняго обѣщанія въ сердцѣ своемъ , обѣщанія жертвовать жизнію и богатствомъ, пока свобода будетъ изкуплена ; пусть вѣчный стыдъ будетъ его удѣломъ. Садитесь , друзья любезные, щастливый часъ коротокъ и не продолжителенъ ; посвятимъ его радости. Лучи солнечные имѣютъ посреди тучь еще болѣе блеску.

» Мы начали освобожденіе нашего отечества, но еще многое осталось намъ довершать. Пошлите вѣстниковъ во всѣ стороны, чтобъ они со-

брали нашихъ друзей; чтобъ рыцари Ланарскіе вооружились; чтобъ храбрые сыны Тевіотъ-Даля присоединились къ намъ; чтобъ стрѣлки Этрикскіе острили свои стрѣлы; ихъ ревность равняется искусству. Призывайте всю Шотландію, отъ ущелій Ридверскихъ, до дикаго мыса Врата. Всѣ должны знать, что сѣверный орелъ размахнулъ своими крылами! . . . . . «

КОНЕЦЪ V ПѢСНИ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ПЯТОЙ.

1. *Пар.* *VI.* Внутренность острова Аррана представляетъ множество достопримѣчательныхъ горъ. Утесы, покрытые скалами и пропастями, образуютъ много водопадовъ, вышины удивительной. Черезъ рѣку Мохрай есть переходъ, замѣчательный страннымъ приключеніямъ одной бѣдной женщины, которая, желая перейти черезъ пропасть, сдѣлала первое шагъ; но когда надо было перенести другую ногу на ту сторону, то глубина до того ее устрашила, что она оставалась въсемъ опасномъ и смѣшномъ положеніи до тѣхъпоръ, пока путешественникъ, случайно проходившій, подалъ ей руку помощи.
2. *Пар.* VI. Острова̀ Арранъ, Манъ и Англезей представляютъ много памятниковъ идолопоклонничества, вѣроятно исповѣданія Друидовъ.

3. *Пар.* *VII.* Барбуръ разсказываетъ анекдотъ, доказывающій, что свѣтскія клятвы употреблялись въ то время только въ войскѣ. Дугласъ, при возвращеніи Брюса въ Шотландію, проѣзжалъ гористую страну Твиддаля, близь озера Лина; вдругъ онъ услышалъ разговоръ въ ближайшей хижинѣ, въ которомъ было упомянуто имя Діавола; предполагая, что въ этомъ домѣ находятся военные, онъ окружилъ его и имѣлъ щастіе взять въ плѣнъ Томаса Рандольфа, который былъ послѣ Графомъ Муррайскимъ, и Александра Стуарта Лорда Бонкля; оба они сражались за Англію и хотѣли прогнать Дугласа изъ Шотландіи. Въ послѣдствіи сдѣлались ревностнѣйшими приверженцами Брюса.

4. *Пар.* XVII. Вотъ, что доставлено мнѣ моими корреспондентами, которымъ я много обязанъ за извѣстія о Турнбери и его окрестностяхъ: »Единственное преданіе о пріѣздѣ Брюса

на Каррикскій берегъ, въ разсужденіи огня имъ видѣннаго съ острова Аррана есть то, что пламя сіе было возжено силою Высшею и не было поддерживаемо смертною рукою. Говорятъ, что въ теченіи многихъ вѣковъ, въ ту же самую ночь видно было сіе пламя; что даже и теперь, зная вѣрно то время, можно его видѣть. « — Извлечено изъ письма Іосифа Треня Нютона Стуарта, автора любопытнаго собранія толкованій на поэмы и другія древнія преданія, Единбургъ. 1814.

5. *Пар*. XXXIII. Я слѣдовалъ преданію, которое гласитъ, что Брюсъ, прибывъ на берегъ Аирскій, завладѣлъ замкомъ своей матери.

6. *Пар*. XXXIV. Сіи чаши назывались mazers. Подобныя находились въ сокровищахъ Іакова III.

ПѢСНЬ VI.

I.

Кто можетъ забыть сіи сладкія впечатлѣнія тѣхъ дней восторга, когда на площадь народную, утромъ и вечеромъ, пріѣзжали вѣстники усталые? Звуки трубные и гулъ колоколовъ ежедневно извѣщали насъ о новыхъ побѣдахъ. Надежда, издавна угнетенная, приняла свое высшее направленіе. Наши глаза, отверзтые съ восходомъ зари утренней, безпрестанно видѣли торжествующія знамена, привѣтствующія первые лучи солнечные.

О щастливый день! ты положилъ конецъ нашей неизвѣстности, нашимъ печалямъ и опасеніямъ, послѣ двадцатилѣтняго раззоренія и убій-

ства. Сама печаль подняла свои омоченные глаза, чтобъ испустить радостный вздохъ и славить паденіе деспота, миръ и свободу!

Такъ торжественно мчалась слава по всѣмъ горамъ Шотландскимъ, послѣ пораженія похитителей. Знамя Брюса развѣвалось на вершинахъ Лаудауна и въ долинахъ Ури. Земли Дугласа не одинъ разъ обагрены были кровью непріятельскою; неустрашимый Эдуардъ обратилъ въ бѣгство храбраго С. Джона; вѣтры южные унесли на крылахъ своихъ военные крики Рандольфа. Города и зáмки были побѣждены Брюсомъ и слава всякій день торжествовала какой нибудь его подвигъ.

II.

Молва о его успѣхахъ была извѣстна и въ палатахъ богатаго и

въ хижинѣ бѣдняка; она проникла даже въ смиренную обитель Св. Бриды. О прекрасная Изабелла! ты, которая отказалась отъ титла Государыни, клятвами привязанная къ сему монастырю; ты, которой уставъ повелѣваетъ носить покрывало, полотняный наплечникъ, обрѣзать кудри твоихъ черныхъ волосъ; сей строгій уставъ ужели можетъ воспретить тебѣ благородный восторгъ, одушевляющій твои омоченные глаза, при разсказѣ Барда или пилигрима, повѣствующаго о новой побѣдѣ твоего храбраго брата? Но кто сія юная дѣва, раздѣляющая твои молитвы, твои опасенія и надежды? Она не принадлежитъ къ числу инокинь, ибо чело ея украшается румянцемъ и прелестными кудрями; ибо вздохи всегда вырываются у ней, когда слава подвиговъ

Рональда смѣшивается съ дѣлами Брюса.

III.

Когда Король завоевалъ зàмокъ своихъ отцовъ, когда его благородное предпріятіе началось столь хорошимъ успѣхомъ, онъ положилъ себѣ за первый долгъ послать нѣмаго пажа на островъ Арранъ; но одежда не долго обманывала Изабеллу. Обѣ подруги жили въ одной кельѣ. Позднее согласіе Брюса наконецъ дозволило сестрѣ его принять покрывало монашеское и произнести свои клятвы. Эдифа находится съ нею; высокая дщерь Лорна пребываетъ въ неизвѣстности; и между тѣмъ какъ Шотландія горитъ войною, она въ спокойствіи и уединеніи проводитъ дни свои.

IV.

Уже протекло нѣсколько безмятежныхъ лѣтъ монастырскихъ, какъ вдругъ важныя новости посѣтили обитель С. Бридскую.

Изъ всѣхъ завоеванiй, совершенныхъ въ Шотландiи побѣдоносным мечемъ Эдварда, остался у сына его, на Сѣверъ отъ Твида, одинъ только Стирлинскiй зaмокъ, осажденный Королемъ Брюсомъ. Заключено было перемирiе и условились, что если осажденные не получатъ помощи отъ Короля Англiйскаго до Иванова дня, то зaмокъ сдастся Брюсу. Вся Британiя была вооружена. Вѣстники и Герольды были разосланы по всѣмъ Графствамъ, сзывая Князей и дворянъ собраться въ Бервикъ, чтобъ снять осаду Стирлинга. Приближался день Св. Iоанна. Всѣ воины юга

поспѣшно соединились и пригошовились идши на бой. Всѣ благородные дворяне и сшрѣлки искуснѣйшіе сбѣгались со всѣхъ сшоронъ. Сшраны ими проходимыя, казалось, были воспламенены ошъ блеска, кошорый ошбрасывали ихъ щишы и копья. Но не одни воинсшвенные Англичане собрались подъ сіи знамена; шуда сшекались воины Нейсшріи и Гасконіи. Не давно покоренная Камбрія послала своихъ горцевъ и сшо поколѣній, повинующихся скипшру мрачнаго О'Коннара, вышли изъ шемныхъ лѣ- Каннаушскихъ (1).

V.

Буря медленно угрожаешъ Шошландіи. Такъ осшанавливаешся мрачное облако, посшепенно понижаясь, скрываешъ наконецъ горныя вершины ошъ глазъ пушника изумлен-

наго. Но неробкимъ взоромъ глядѣлъ Брюсъ на сію бурю; онъ объявилъ Шотландіи, что всѣ тѣ, кои признаютъ его Королемъ, должны собраться подъ его знамена. Кто можетъ изчислить храбрыхъ рыцарей, послушныхъ сему зову; они стекались отъ Тевіота и Росса; отъ песковъ Солвайскихъ и Марсхаля. Извѣстіе о приготовленіи къ сей войнѣ принесено вѣстникомъ въ тихую долину Аррана; но тайныя повелѣнія были назначены Изабеллѣ, которая сказала о томъ Эдиѳѣ.

VI.

» Нужно ли говорить тебѣ, Эдиѳа, сколь искренное соединеніе нашихъ сердецъ пріятно твоей Изабеллѣ? Суди жь о моей горести, когда я должна буду сказать тебѣ прости. Мрачныя стѣны кельи не для тебя

сотворены; поди туда, гдѣ участь щастливѣйшая тебя ожидаетъ. Не думай, что я измѣнила твоей тайнѣ; хотя мой братъ и знаетъ, что дочь Лорна и его нѣмой пажъ — есть одна и таже особа. Брюсъ знаетъ все непостоянство людей; онъ замѣтилъ, какія впечатлѣнія произвели на Рональда мои послѣднія прощанія, въ которыхъ я велѣла уважать законы Эдифы и не нарушать своихъ клятвъ. . . Прости ему, изъ любви къ твоей сестрѣ; если тоска сначала возмутила сердце Рональда, то она давно уже угасла. Онъ признаетъ теперь права, которыя ты надъ нимъ имѣешь; онъ часто осуждаетъ себя за то, что не сдержалъ своего слова. О, Эдифа! прости ему для любви къ самой себѣ. »

VII.

» Нѣтъ, никогда ! прервала Эдиѳа, я не стану требовать союза съ Рональдомъ. » — « Твое нетерпѣніе прерываетъ мой разсказъ, выслушай до конца.

»Король, братъ мой, желаетъ, чтобъ ты сдѣлалась его таинственнымъ пажемъ — и тогда сама могла бы судить о раскаяніи любимца души твоей.... но со всѣмъ тѣмъ, ты свободно можешь опять возратиться въ келью Изабеллы и жить съ нею вмѣстѣ. «

Монархъ, сдѣлавъ сіи предложенія, имѣлъ, можетъ быть, виды политическіе. Дунстаффаножъ былъ взятъ и зáмокъ Лорна призналъ власть Брюса; но братъ Эдиѳы удалившись въ Англію, умеръ въ изгнаніи ; его смерть доставила сестрѣ его права

на пространныя владѣнія, и сіи права могли принести пользу Брюсю, если бы находились въ рукахъ вѣрнаго Рональда.

VIII.

Безпокойство взоровъ, замѣшательство и румянецъ чела, измѣнили тому удовольствію, которое чувствовала Эдиѳа. Казалось, она еще противилась; она не рѣшалась оставить обитель С. Бридскую, сіе мирное убѣжище. Какъ разстаться съ Изабеллою и снова принять одежду, чуждую ея полу, чтобы возвратиться къ войску? Кто станетъ охранять ее въ семъ путешествіи? — Она желала по крайней мѣрѣ отсрочки. Изабелла улыбнулась и простила Эдиѳѣ сію легкую хитрость, которая, казалось, противилась первому возвращенію вѣрнаго любовника.

IX.

Не осуждайте ее! когда зефиръ пробуждается, то дыханіе его колеблетъ листья осины; когда солнце разгоняетъ туманы Апрѣля, то фіалка разцвѣтаетъ; а любовь, не смотря на всѣ усилія обиженнаго сердца, снова должна возродиться вмѣстѣ съ надеждою. Рональдъ былъ назначенъ ей съ ранней юности, Рональдъ получилъ ея слово и клятвы... и могла ли она ослушаться Брюса, своего Государя, отъ коего зависѣло ея благополучіе. Но она обѣщала весьма не долго носить одежду пажа. — Никому неизвѣстная, даже и Рональду, она его увидитъ, еще однажды услышитъ. . . . (не осуждайте ея желанія), она услышитъ, какъ Рональдъ произносить будетъ имя Эдифи, и возвратившись въ свое

убѣжище, утѣшится, что онъ раскаялся въ своей невѣрности. Изабелла, съ давняго времени замѣчавшая ея блѣдность и печаль, была весьма рада, что могла загладить свою невольную вину. Отъ искренняго сердца вскричала она:» Наконецъ ты будешь награждена за всѣ твои мученія! « — Часъ отъѣзда приближался. Эдифа сѣла въ лодку, сопровождаемая отрядомъ горцевъ. Фицъ-Лудовикъ, ихъ начальникъ (2), получилъ повелѣніе отъ Короля, препроводить нѣмаго пажа, извѣстнаго подъ именемъ Амадина, со всѣми почестями, которыхъ достоинъ любимецъ Брюса.

X.

Король надѣялся, что прекрасная Эдифа пріѣдетъ прежде дня битвы; но буря и другіе случаи остановили

судно далеко отъ берега. И въ самое утро, когда должно быть дано сраженіе, Эдифа появилась на холмѣ Жилля; взоръ ея, простираемый до самаго горизонта, видѣлъ однѣ блистающія копья, стоящія подобно колосьямъ осеннимъ. Воинство Брюса, раздѣленное на четыре отряда, развертывалось по долинѣ; запасный отрядъ находился у подошвы горы и былъ назначенъ для поданія помощи въ случаѣ опасности непредвидимой. Остальная часть арміи находилась въ боевомъ порядкѣ между ручьемъ Баннокскимъ и церковью Св. Нииіана; три крыла, хотя ничѣмъ не защищаемыя, безпрестанно могли подавать одно другому нужную помощь (3).

Далѣе открывалось взору войско Англійское; подобно лѣсу стояли ихъ копья и тщетно око искало конца рядовъ ихъ. Несчислимое множество

мечей, сѣкиръ и щитовъ блистало при лучахъ восходящаго солнца и тамъ, гдѣ горизонтъ, казалось, упадалъ на холмы, свѣшились оружія воиновъ.

XI.

Юная дѣва, испуганная симъ военнымъ видомъ, сошла съ горы. Она пришла къ запасному корпусу; тамъ соединились воины Каррика, Аира, Леннокса, Ланарка и странъ западныхъ. Храбрые воины острововъ были построены въ боевую линію и покрыты разноцвѣтными плащами. Славное знамя Брюса съ гордостію развѣвается въ срединѣ; неподалеку отъ него находилось знамя Рональда, на коемъ былъ вышканъ гербъ его, представляющій корабль на всѣхъ парусахъ. Щиты и гербы воиновъ Брюса перемѣшивались съ шапками Гебридцевъ; но что всего болѣе по-

разило взоръ дщери Лорна, это были одежды горцевъ, которыхъ она не видала уже болѣе трехъ лѣтъ. Есть воинъ, котораго ищутъ въ толпѣ ея глаза; онъ далеко отъ нее, онъ посреди войска; но она съ нѣжностію взираетъ на складки его развѣвающагося знамени, бросаетъ взоръ на безчисленное множество непріятелей, и содрагается при мысляхъ объ опасностяхъ войны.

XII.

Фицъ-Лудовикъ проводитъ пажа до средины передоваго отряда; тамъ видны были ряды Морха, воины Лодана, многочисленные и ужасные стрѣлки Лидделя и Этрика. Неустрашимый Дугласъ и юный Стуартъ начальствуютъ надъ воинами Ниша, долины Аонанской и храбрыми копьеносцами Тевіотъ-Даля. Подлѣ церкви

Св. Ниніана собрались подъ знаменами храбраго Рандольфа воины, посланные Шотландіею отъ Теи и Сутерланда. Остальная часть авангарда, начальствуемая Эдуардомъ Брюсомъ, была защищаема къ западу глубокими рвами Баннокскими. За ними находился въ засадѣ храбрый Лордъ Маршалъ Кейтъ; зеленыя листья скрывали копья, булавы и знамена его воиновъ. Таково было расположеніе воиновъ Брюса. Эдифа и ея путеводитель направили путь къ Монарху.

XIII.

Пришедши къ первому посту, они остановились. Король, находившійся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ передовыхъ линій арміи, устроивалъ ряды воиновъ; вооруженный съ ногъ до головы, онъ сидѣлъ на легкомъ

конѣ, ожидая минуты нападенія, чтобъ сѣсть на свою славную лошадь. Золотая корона украшала его стальной шлемъ, на вершинѣ коего видна была перчатка Аржантина. Въ рукѣ держалъ онъ топоръ боевой, вмѣсто жезла военноначальствующаго.

Далѣе пестрѣла армія Англійская. Вожди, опершись на свои оружія, совѣщались, должно ли начать бой сею же ночью, или отложить его до восхода солнечнаго.

XIV.

Какъ величественно, но вмѣстѣ какъ и ужасно зрѣлище войска, готоваго къ битвѣ! Золото и сталь повсюду блистаютъ.

Король Англійскій окруженъ своими перами. Кто осмѣлился при видѣ Монарха вооруженнаго Королевства, пришедшаго защи-

щать права свои; кто осмѣлился предрекать печальную судьбу, ему грозящую? Онъ съ благородствомъ разъѣзжаетъ на борзомъ конѣ и въ глазахъ блистаютъ искры огня Плантагенетовъ. Его разсѣянный взоръ одушевляется при видѣ щитовъ и оружій.

» Аржантинъ, сказалъ Король, знаешь ли ты сего рыцаря, устроивающаго армію непріятельскую? « — » По перчаткѣ на его шлемѣ узнаю въ немъ Брюса. » — » Какъ, сей измѣнникъ осмѣливается предстать въ моемъ присутствіи? « — » Государь, отвѣчалъ Аржантинъ, еслибъ онъ имѣлъ коня, подобнаго моему, то я бы поѣхалъ помѣряться съ нимъ копьями. « — » Въ день битвы, сказалъ Король, законы рыцарства должны быть забыты. Этотъ бунтовщикъ осмѣлился раздражить меня. Напади на

него — и пусть онъ сокроется отъ глазъ моихъ. « При семъ повелѣніи Сиръ Генрихъ Баунъ вышелъ изъ рядовъ.

XV.

Сиръ Генрихъ происходилъ отъ знаменитой крови Гереѳордовъ, столь извѣстныхъ въ рыцарствѣ; горя желаніемъ ознаменоваться предъ Королемъ подвигомъ, достойнымъ его рода славнаго, онъ пришпорилъ свою лошадь и съ копьемъ въ рукахъ помчался на Брюса. Неподвижный, подобно скалѣ, выдерживающей напоръ разъяренной волны, Брюсъ укрѣпился въ своихъ стремянахъ. Всѣ сердца трепетали; всѣ взоры обратились на сражающихся. Быстрѣе мысли, взгляда, молніи — Сиръ Генрихъ бросился на Короля. Но слабая лошадь Брюса выдержитъ ли натискъ такого на-

паденія? — Скорѣе голубь устоитъ противъ ястреба. Избѣгая минуты, въ которую рыцарь готовился поразить его, Брюсъ искусно уклонился: Сиръ Генрихъ продолжаетъ скакать.... но бѣгъ его не долго продолжался. Король утвердившись въ стремянахъ и догнавъ Боуна, ударилъ его топоромъ съ такою силою, что шлемъ Англійскаго рыцаря распался; подобно скорлупѣ орѣха, и топоръ боевой разлетѣлся на части. Лошадь трепещетъ и убѣгаетъ, бросивъ на песокъ бездыханное тѣло своего господина. Такъ быстра была смерть Боуна, который былъ первою жертвою сего ужаснаго дня.

XVI.

Брюсъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на трупъ своего врага, потомъ поворотивъ узду своей лошади, спо-

койно поѣхалъ къ арміи Шотландской. Начальники приближились къ нему и упрекали въ томъ, что онъ такъ далеко отъѣзжая отъ лагеря, подвергаетъ опасности столь драгоцѣнную жизнь свою; тогда Брюсъ, примѣтивъ что топоръ его раздробленъ, сказалъ съ видомъ спокойнымъ:» Я дорого плачу за мою неосторожность; вѣрный топоръ мой изломался въ моихъ рукахъ. «

Въ сіе время Фицъ-Лудовикъ предсталъ предъ Короля и сказалъ о порученіи Изабеллы; переодѣтая Эдиѳа стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи, и руками скрывала свой румянецъ. Увидя ее Монархъ бросилъ свой окровавленный топоръ и стараясь принять видъ не столь суровый, подошелъ къ мнимому пажу. Съ рыцарскою вѣжливостію онъ взялъ Амадина за руку и

его улыбка обѣщала дружбу кроткому пажу.

XVII.

»Не бойся, сказалъ онъ, юный Амадинъ, и потомъ прибавилъ тихо: пусть имя это еще будетъ твоимъ; своенравная судьба играетъ нами; она присылаетъ тебя ко мнѣ въ такую минуту, которая скоро насъ сдѣлаетъ щасливыми; ибо побѣдитель или побѣжденный, я остаюсь на полѣ битвы. А ты взойди на сей холмъ, убѣжище тѣхъ, которые не могутъ носить оружія; Фицъ-Лудовикъ будетъ его охранять; мы соединимся, если щастіе намъ поможетъ; въ противномъ же случаѣ возвратись въ святую обитель Арранскую, живи вмѣстѣ съ Изабеллой; ибо Рональдъ поклялся никогда не видѣть болѣе прекрасной дочери Лор-

новой, предмета всѣхъ его желаній, или онъ оставитъ поле битвы или Брюса. Но тише. . . . звукъ сихъ роговъ призываетъ меня въ другое мѣсто. Прощай, прекрасная Эдиѳа, прощай!»

XVIII.

» Отъ чего происходитъ эта пыль, поднимающаяся съ лѣваго крыла? « вскричалъ Монархъ Графу Морайю, подлѣ него стоявшему; « ужели непріятель пробилъ наши посты? Ахъ, Рандольфъ! ты потерялъ цвѣтокъ изъ твоего вѣнка!» Тогда Графъ опуская забрало, сказалъ: » онъ опять разцвѣтетъ, или жизнь моя увянетъ вмѣстѣ съ нимъ. » Сказалъ — и подобно грому бросился на непріятелей. » Государь, прибавилъ благородный Дугласъ, Графъ Рандольдъ едва одного воина противуставитъ деся-

терымъ Англійскимъ; позволь мнѣ подать ему помощь.« — » Останься на своемъ мѣстѣ; Графъ скоро поправитъ ошибку, которую онъ сдѣлалъ; не должно ослаблять главнаго корпуса. «— Тогда раздались дикіе крики. Сердце благороднаго Дугласа трепещетъ; « Государь, сказалъ онъ, можно ли равнодушно слышать восклицанія, которыя, можетъ быть, возвѣщаютъ смерть Графа Морайя« — Такъ лети же — но возвращайся скорѣе ! «

Дугласъ бросился, послѣдуемый своимъ кланомъ. Достигши вершины горы, онъ остановился. » Видите ли вы разбитыхъ и обращенныхъ въ бѣгство Англичанъ! Графъ умѣлъ побѣдить; видите ли, какъ знамя его развѣвается посреди сей толпы! возвратимся къ войску; наше присутствіе уменьшило бы его славу: мы

прибыли слишкомъ поздно.« Дугласъ присоединился къ арміи, и новость о сей побѣдѣ разпространилась по всѣмъ рядамъ. Дейнкуртъ погибъ отъ руки Рандольфа, и воины его обратились въ бѣгство. День окончился сею славною побѣдою, и ночь провели въ оружіи.

XIX.

То была ночь улыбающагося Іюня; луна блистала въ безоблачномъ небѣ, и ея блѣдные лучи упадали на Дамайетъ и древнія башни Стирлинга; волны слѣдовали одна за другою, подобно кольцамъ серебряной цѣпи. Мирное свѣтило, ты скоро узришь другое зрѣлище..... разорванныя знамена; разсѣянныя и разбитыя оружія; холмы труповъ, раненыхъ и умирающихъ погрузятся въ окровавленныхъ волнахъ Форта.

Но теперь ты внимаешь кликамъ радости, раздающимся въ лагерѣ Англійскомъ; между тѣмъ, какъ Шотландцы умоляютъ Небо и приготовляютъ жертву безкровную. Тамъ многочисленность поселила въ нихъ самонадѣянность; здѣсь воины Брюса на одно Небо полагаютъ свои надежды.

XX.

Прекрасная Эдифа стояла на С. Жильскомъ холмѣ, котораго вершина обладала полемъ битвы. Съ нею находились слуги и молодые пажи. Съ какимъ безпокойствомъ увидѣла она первый лучь зари! Уже солнце блистаетъ на высотахъ Охиля и разсѣяваетъ мракъ Демайста. Но какіе звуки поражаютъ ея слухъ, пѣніе ли ласточки или ревъ буйвола? — Нѣтъ, это смѣшанные звуки трубъ и барабановъ. Армія Шотландская

отвѣчаетъ имъ на рогахъ и волынкахъ (4). Каждый воинъ знаменуется крестомъ и беретъ свое оружіе.

XXI.

Войско Англійское развертывается, подобно волнамъ океана, когда порывистой вѣтръ ревомъ извѣщаетъ приближеніе бури. Въ первыхъ рядахъ находятся храбрые стрѣлки; за ними стоятъ рыцари, а посреди сего отряда примѣчается Король, окруженный множествомъ воиновъ, посѣдѣвшихъ въ броняхъ, и другими, горящими нетерпѣніемъ заслужить золотыя шпоры. Аржантинъ съ храбрымъ Девалонсомъ, цвѣтомъ Пемброка, стоятъ подлѣ него; оба избраны держать удила его лошади. Въ ту минуту, когда Король взглянулъ на Шотландцевъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что они опускали знамена;

концы ихъ копій и мечей преклонялись къ землѣ и каждый воинъ становился на колѣна. » Бунтовщики раскаяваются! сказалъ Король Аржантину; они преклоняютъ колѣна для испрошенія пощады!« — » Это правда; но они просятъ другую силу, они испрашиваютъ другое прощеніе, а не наше. Видите ли сего священника, благословляющаго ихъ (5). Они найдутъ здѣсь побѣду или смерть. Такъ велите-же Графу Глочестерскому поспѣшить нападеніемъ. «

XXII.

Въ ту минуту, когда Шотландцы встали, Графъ Гилбертъ машетъ своимъ жезломъ начальствующимъ. При семъ знакѣ стрѣлки Англійскіе дѣлаютъ шагъ впередъ, поднимаютъ луки.... Содрогнулись шеттивы въ числѣ десяти тысячь и десять тысячь

стрѣлъ полетѣли на враговъ, какъ градъ Декабрскій. Ни двойная кожа буйвола, покрывающая щиты Шотландцевъ, ни блестящія латы рыцарей — ничто не можетъ защитить ихъ отъ сего града смерти. Горе, горе нещастной Шотландіи. Рыцари Брюса стоятъ подлѣ коней. Пылкій Эдуардъ держа одну ногу въ стремѣ, рукою хватаясь за гриву, едва можетъ удержать свой гнѣвъ нетерпѣливый. Наконецъ стрѣлки Англійскіе приближаются въ долину.

» На коней! храбрые рыцари!» вскричалъ онъ, и они всѣ сидѣли на коняхъ своихъ. Направляются ихъ копья; щиты покрываютъ грудь. Эдуардъ восклицаетъ: »Впередъ, друзья! ударимъ на сихъ нещастныхъ и разорвемъ тетивы ихъ луковъ! «

XXIII.

Шпоры впиваются въ бока лошадей и Шотландцы бросаются въ средину отряда стрѣлковъ, кои, не имѣя огражденій, за коими бы могли скрыться, ни оружій, чтобъ защитить себя, не могутъ отразить натиска желѣзныхъ рыцарей, ударовъ палицъ и длинныхъ копій; ихъ короткіе мечи и легкія латы безполезны противъ лошадей и воиновъ, огражденныхъ сталью. Они смѣшиваются въ рядахъ и мечь летаетъ надъ ихъ главами. Уже слышны крики побѣдителей и умирающихъ. Долго защищались стрѣлки съ храбростію упорною; но наконецъ, разбитые со всѣхъ сторонъ, они ищутъ спасенія въ бѣгствѣ.

Радуйтесь, олени Шервуда и Дактомъ-Лея; луки, сокрушенные при

Баннокъ-Бурнѣ, не будутъ болѣе направлять противъ васъ острыхъ стрѣлъ. Пусть юныя дѣвы украшаются зелеными листьями и вѣнками; тщетно будутъ обращать взоры свои на сѣверъ; онѣ болѣе не увидятъ тѣхъ, которые одушевляли ихъ въ пляскахъ. Разсѣянные, разбитые и потоптанные конями, стрѣлки покрываютъ трупами своими окровавленную долину Баннока.

XXIV.

Король Англійскій негодуетъ на ихъ бѣгство. »Вотъ тѣ храбрые стрѣлки (6), сказалъ онъ, изъ коихъ каждый хвалился, что носитъ въ колчанѣ жизнь двѣнадцати непріятелей. Низкіе! Скорѣе могутъ они опустошать наши лѣса, нежели мѣряться съ храбрымъ врагомъ. — Впередъ, рыцари и дворяне! покажи-

те вашу храбрость; вы можете еще возстановить сраженіе! « —

На правой сторонѣ отъ поля битвы лежала легкая и ровная дорога; но предусмотрительный Брюсъ перерѣзалъ ее рвами, кои накрылъ хворостомъ и дерномъ. Двѣнадцать тысячь рыцарей бросилось на сію дорогу съ примкнутыми копьями и сердцемъ, полнымъ мщенія, криками издѣваясь надъ непріятелемъ. Люди и лошади, всѣ бросаются на поле битвы; уже первые ряды упали въ пропасть, предъ ними отверзтую; скачущіе за ними слѣдуютъ по ихъ слѣдамъ, шлемы, щиты, копья, мечи, храбрость, неустрашимость — ни что не спасаетъ ихъ отъ погибели. Смѣшанные звуки раздаются посреди сихъ пропастей; то крики умирающихъ и смертное ржаніе лошадей (7). Они летѣли, подобно

потоку горному, прорывающему унесы, и поглощены пропастью, какъ потокъ сей; онъ бушуетъ еще, и всякая волна журча изчезаетъ.

XXV.

Но Англія не такъ скоро уступитъ поле битвы; ея достойнѣйшіе сыны за нее сражаются, и еще осталось много храбрыхъ рыцарей, коимъ страхъ никогда не былъ извѣстенъ. Еще живутъ неустрашимый Графъ Норкфольскій, Бротерстонъ, славный Деверръ Оксфордскій, Глочестеръ, Беркляй, Грей, Боттетуръ, Санзаверъ, Россъ, Монтагей, Маулей, прекрасный Куртенай и Перси. Ихъ имена съ честію извѣстны въ войнѣ Шотландской, въ битвахъ при Фалкиркѣ и Дунбаррѣ; еще болѣе прославились они, на знаменитыхъ сраженіяхъ при Крессп и Пуатье.

Аржантинъ и Пемброкъ приближаются съ своимъ отрядомъ; они осторожно идутъ по землѣ, скользкой отъ крови и усѣянной трупами. Приближившись къ Шотландцамъ,— ихъ алебарды, топоры и мечи крестятся съ непріятельскими. Здѣсь Дугласъ могъ доказать свою силу и Рандольфъ храбрость. Стуартъ показалъ себя достойнымъ быть нѣкогда родоначальникомъ Королевскаго дома. Англичане, Шотландцы—всѣ сражаются съ одинаковою храбростію. Сколько благородныхъ шлемовъ упало на землю; сколько храбрыхъ рыцарей лишилось жизни! Смерть пожинала ряды воиновъ.

XXVI.

Другъ съ другомъ сражаются воины; удары слѣдуютъ за ударами; звукъ оружія и крики военные заглу-

шаются вздохами раненыхъ и умирающихъ! Рыцарь умиралъ для славы, гражданинъ за отечество, юный воинъ, чтобъ доказать свою храбрость или заслужить любовь красавицы. Иные пришли упиться кровью, другихъ привела корысть или храбрость привычная; но какъ бы ни были различны ихъ намѣренія, воины, слуги, граждане, рыцари, всѣ слѣдовали одною дорогой — всѣ умирали!

XXVII.

Хотя ослабѣваетъ сила сражающихся, но побѣда еще сомнительна. Солнце уже блистало на половинѣ своего теченія; пыль поднималась густыми облаками, удары едва слышались. Дугласъ опирается на мечь свой; Рандольфъ отираетъ чело, покрытое кровью. Воины Англійскіе

также устали отъ битвы, почти цѣлой день продолжающейся. Храбрый Эгремонтъ останавливается чтобъ отдохнуть. Бошанъ поднимаетъ забрало своего шлема. Копье выпадаетъ изъ рукъ храбраго Мантагейя; и ты, Лордъ де Веръ, ты опустилъ отъ усталости мечь свой; удары, наносимые толстымъ Берклеемъ, становятся рѣже. Рогъ неустрашимаго Пемброка теряетъ свои отзывы военные. Рука твоя опускается, Аржантинъ, и я не слышу уже голоса Перси, восклицающаго: » друзья, впередъ! «

XXVIII.

Все примѣчавшій, подобно кормчему, Брюсъ увидѣлъ усталость сражающихся. » Еще одно усиліе, сказалъ онъ, и Шотландія свободна! — Владѣтель острововъ! на тебя моя

надежда; она крѣпка, какъ скала Аильза. Напади съ горцами на непріятелей, а я ударю на него съ копьеносцами: Впередъ! Пойдемъ на бой!« Въ ту минуту раздался звукъ *пиброка* и Брюсъ вскричалъ: »Впередъ, благородные сыны Иннизгайля; скоро непріятель обратится въ бѣгство. Вы сражаетесь за вашихъ женъ и дѣтей, за отечество, свободу и жизнь. Успѣхъ не долго будетъ сомнителенъ!«

XXIX.

Сей новый натискъ заставилъ Англичанъ отступить: они оставили на полѣ битвы своихъ воиновъ храбрѣйшихъ. Одинъ Аржантинъ поднимаетъ свой щитъ, украшенный краснымъ крестомъ; онъ собираетъ остатки разсѣянной арміи и дѣлаетъ новое расположеніе битвы. Его воины

возобновляютъ бой; но сія борьба не долго продолжалась.

Прекрасная Эдифа услышала радостные крики воиновъ Англійскихъ и вдругъ увидѣла ихъ обратившихся къ сраженію посреди бѣгства. Эдифа уже думаетъ видѣть воиновъ Рональда, окруженныхъ непріятелемъ. » О Небо! вскричала она: бой начинается, но нѣтъ помощи! а вы, безжалостные свидѣтели паденія вашего отечества, въ груди носите вы сердца желѣзныя! «

XXX.

Всѣ, которые издали примѣчали движеніе обѣихъ армій, не могли безъ восторга видѣть Брюса, сражающагося за Шотландію; любовь къ отечеству ихъ одушевляла; они безпрестанно брали мечи и оружія. Но когда заговорилъ Амадинъ, чтобъ

упрекнуть ихъ, то отчаяніе ими овладѣло. »Чудеса обличаютъ нашу трусость! сказали они, нѣмой заговорилъ, чтобъ напомнить намъ обязанности наши! Тотъ, кто даетъ языкъ безгласному, тотъ дастъ силу слабымъ! Шотландія есть наше отечество, равно какъ и Брюса; она наша земля обѣтованная и намъ должно отомстить ея обиды! Подобно ему, мы должны избрать или смерть, или свободу! Къ оружію! Къ оружію!« — Тогда все обращается къ копьямъ и булавамъ; поспѣшно сдѣланы знамена и армія сія нападаетъ на Англичанъ усталыхъ.

XXXI.

Уже южные отряды разсѣяны по долинѣ; они не внемлютъ ни угрозамъ, ни просьбамъ; они всѣ бѣгутъ или

слабо защищаются. Но когда увидѣли, что свѣжія войска приближаются, то и храбрѣйшіе оставили ряды свои. Ихъ нещастный Государь бросался по всюду; онъ приказывалъ, умолялъ, но все тщетно. Наконецъ Пемброкъ, поворачивая узду его лошади, принудилъ Короля удалиться съ поля битвы. Аржантинъ послѣдовалъ за нимъ до вершины холма; но тамъ онъ остановился; »На полѣ битвы оставилъ я залогъ свой: честь дороже жизни; она повелѣваетъ возвратиться къ сраженію. Поспѣшите удалиться, Государь! жестокій Дугласъ слѣдуетъ по стопамъ вашимъ. Я узнаю его приближающееся знамя. Да низпошлетъ Богъ радость и щастіе моему Государю! Да будетъ оружіе его щастливѣе, нежели нынѣ! Прости, Государь, прости!«

XXXII.

Онъ возвращается на поле битвы и видитъ Англичанъ бѣгущихъ, плѣненныхъ или умирающихъ. « Теперь, сказалъ онъ, примкнувъ свое копье, теперь я при концѣ своей жизни; еще одно усилiе и подвигъ сей окончитъ мое благородное поколѣнiе.» Потомъ, укрѣпясь въ стремянахъ, онъ воскликнулъ: « Святой Iаковъ за Аржантина! » — И четверо преслѣдовавшiе бѣгущихъ были выбиты имъ изъ сѣделъ. Но храбрый рыцарь, будучи безъ латъ, получилъ ударъ копья въ грудь и шлемъ его былъ разрубленъ топоромъ. Не смотря на рану, онъ скачетъ къ храброму Лорду Колонсайскому и вонзаетъ въ грудь его свое острое копье. Лордъ трепещетъ отъ смертоноснаго желѣза, собирается съ силами и поражаетъ

мечемъ своего непріятеля. Заструилась благородная кровь Аржантина; онъ колеблется на сѣдлѣ и жестокій Колонсай улыбается посреди мученій, радуясь, что вѣрный мечь отомстилъ его смерть.

XXXIII.

Брюсъ старался собрать плоды побѣды столь блистательной. Онъ велѣлъ конницѣ преслѣдовать арріергардъ Англичанъ, и не допускать ихъ соединиться; но вдругъ голосъ Аржантина поразилъ его слухъ и онъ вскричалъ: » пощадите сего благороднаго рыцаря! « Отряды раздвинулись, чтобъ дать свободный путь Брюсу; онъ приближился къ раненому рыцарю, который, увы, не поднималъ ужъ болѣе щита, украшеннаго краснымъ крестомъ; его шлемъ оружіе были покрыты кровію. Когда

онъ увидѣлъ приближающагося Брюса, то собралъ остатки силъ, чтобы приподнять копье; но тщетно! шпоры его не могутъ заставить бѣжать лошадь, и утомленный усталостію и ранами, онъ упадаетъ на землю. Великодушный Брюсъ спѣшитъ его поднять и снять съ него тяжелый шлемъ.

« Графъ, сказалъ Аржантинъ, день сей тебѣ принадлежитъ; повелѣнія моего Государя и злая судьба заставили насъ встрѣтиться слишкомъ поздно; но умирающій Аржантинъ можетъ просить у тебя, стариннаго товарища,— молитвы, какъ Христіанину, и гроба, какъ рыцарю (8). »

XXXIV.

Брюсъ пожалъ его умирающую руку, которая хотѣла ему отвѣчать тѣмъ же; но она оледенѣла въ ру-

кахъ Брюса. »Прощай, сказалъ побѣдитель, прощай цвѣтъ и слава рыцарства! Никогда не перестанутъ превозносить твою мощную руку, твою вѣжливость, высокій родъ, благородство и честь ничѣмъ не очерненную! Воспламеняйте факелы въ церквѣ Св. Ниніана; проготовляйтесь къ погребенію Аржантина. Никогда не блистали факелы, никогда не читали молитвъ на гробѣ рыцаря храбрѣйшаго.«

XXXV.

Но не для одного Аржантина воспѣты были молитвы, раздавшіяся въ церквѣ Св. Ниніана; не для него только зажглись факелы; ихъ желтоватый блескъ освѣтилъ множество раздробленныхъ оружій. Онъ освѣтилъ тѣла Бароновъ, Графовъ и Баронетовъ. Знатнѣйшіе рыцари Ан-

глійскіе были отпѣты вмѣстѣ съ Аржантиномъ.

Не рыдай, отечество славы, хотя съ самаго пришествія Вильгельма Завоевателя твои леопарды не были обращены въ столь постыдное бѣгство; твои лѣтописи могутъ славиться многими сраженіями, выигранными у Шотландцевъ. Не завидуй же ей въ сей побѣдѣ. Они сражались за свои права, за независимость. Сіи права, столь драгоцѣнныя сердцамъ любящимъ свободу, развѣ не драгоцѣнны землѣ Албіона?

XXXVI.

Возвратимся къ Брюсу: онъ спрашивалъ Фицъ-Лудовика о чудѣ, при немъ совершившемся. Тысяча голосовъ сказали: »пажъ получилъ даръ слова!« — »Не пажъ, прервалъ Фицъ-Лудовикъ, скажите лучше Ангелъ съ

Неба сошедшій, чтобъ разрушить иго Англичанъ. Я видѣлъ, какъ упала шляпа его, украшенная перьями, какъ его тихое чело вдругъ осѣнилось прелестными кудрями; когда онъ бѣжалъ, то стопы его едва касались земли; казалось, что онъ былъ поддерживаемъ крылами невидимыми.
»Чтожь говорилъ онъ въ сіи минуты?
»Одно слово вырвалось изъ его устъ, когда онъ увидѣлъ Лорда Рональда, возвращающагося на поле битвы« —
» А что отвѣчалъ ему рыцарь ? « —
» Онъ бросился къ его ногамъ, потупилъ взоры и что-то безъ связи говорилъ; какъ будто бы бесѣдовалъ съ существомъ верховнымъ. «

XXXVII.

Робертъ улыбнулся, забывъ на минуту свои важныя намѣренія.

Посреди кровавой долины Банно-

ка, устланой трупами чтоже, сказалъ онъ, если пажъ имѣетъ Ангельскую красоту, благородное, чело глаза прелестные, и если Рональдъ упалъ предъ нимъ на колѣна, то въ этомъ случаѣ мы будемъ просить помощи у церкви.

» Прежде нежели разпространятся сіи странныя вѣсти, скажите моему капеллану, чтобъ онъ шелъ въ Кумбускенетъ и приготовилъ алтарь къ совершенію служенія торжественнаго; скажите также, чтобъ все было готово для соединенія бракомъ двухъ важныхъ особъ. Мы прервали брачный праздникъ во дни нашихъ нещастій; съ возвратомъ зари я желаю присутствовать на свадьбѣ дщери Лорновой.

КОНЕЦЪ VI ПѢСНИ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Ступайте, стихи мои! ступайте на удачу! — Не осуждайте барда, что онъ не избралъ для своихъ смиренныхъ пѣсенъ защитника, который бы могъ указать имъ путь ко славѣ. *Она была....* увы! Сколько печальныхъ мыслей при сихъ двухъ словахъ! Она была другомъ великодушнымъ, и еслибъ позволила судьба, она бы нашла вамъ мѣсто, о стихи мои, мѣсто посреди благороднѣйшихъ произведеній музъ.

Но нынѣ она равна съ Ангелами! — Не многаго недоставало ей на семъ трудномъ поприщѣ жизни! — За чѣмъ воспоминать то терпѣніе, съ которымъ она скрывала свои горести, чтобъ усладить страданія другихъ? За чѣмъ говорить, какъ чистое пламя добродѣтели величественно въ ней сіяло? — За чѣмъ говорить свѣту, что цвѣты, назначенные для украшенія ея чела, покрыли гробницу уединенную, чтобъ увянуть въ неизвѣстности!...

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ШЕСТОЙ.

1. *Пар. IV*. Эдвардъ, слѣдуя политикѣ тогдашнихъ завоевателей, употреблялъ въ войнахъ Шотландскихъ покоренныхъ имъ Вельховъ, которые, будучи сами горными жителями, хорошо къ тому служили. Но политика сія имѣетъ свои невыгоды: передъ Форлскимъ сраженіемъ они поссорились съ Англичанами и дѣло дошло до убійства; съ трудомъ могли ихъ усмирить.

2. *Пар. IX*. Фамилія Фицъ-Лудовикъ, иначе называемая Фуллатонъ, есть одна изъ древнѣйшихъ на островѣ Арранѣ; она, какъ говорятъ, произхожденія Французскаго, что доказываетъ самое имя ея. Она присоединилась къ Брюсу, когда онъ прибылъ на островъ Арранъ.

3. *Пар. X*. Планъ битвы, сдѣланный королемъ Робертомъ на рѣшительномъ

Баннокъ-Бурнскомъ сраженіи, весьма вѣрно взятъ изъ Барбура. Это хорошій урокъ Тактикамъ; однакожъ, до согласія Лорда Лальса, сія важная историческая черта различно была представляема повѣствователями.

4. *Пар.* XX. Это старинное преданіе, что маршъ, игранный въ арміи Врюса при Баннокъ-Бурнскомъ сраженіи, былъ извѣстный Hey tulle tailli.

5. *Пар.* XXI. Маврикій, Аббатъ Инхофрайскій, на небольшомъ возвышеніи совершалъ обѣдню въ виду арміи Шотландской.

6. *Пар.* XXIV. Рожеръ сохранилъ намъ Шотландскую пословицу, въ которой сказано, что каждый стрѣлокъ Англійскій носитъ за поясомъ двадцать четыре Шотландца. Добрый Лордъ-Дугласъ до того ихъ боялся, что плѣннымъ онъ давалъ на выборъ, лишиться большаго пальца направой рукѣ, или праваго глаза.

7. *Пар.* XXIV. Мнѣ сказали, что мѣсто сіе требуетъ особеннаго поясненія. Тѣ, которые бываютъ свидѣтелями

хладнокровнаго молчанія лошадей при ихъ трудахъ, не повѣрятъ, чтобъ онѣ могли испускать жалобы во время мученій. Но Лордъ Эрскинъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ палатѣ Лордовъ, при билѣ о сострадательности къ лошадямъ, дѣлаетъ примѣчаніе, которое я боюсь ослабить повтореніемъ. Онъ говоритъ, что по случаю слышалъ крикъ мучимой лошади, который былъ столь пронзителенъ и такъ исполненъ меланхоліи, что онъ никогда не слыхалъ подобнаго.

8. *Пар.* XXXIII. Кромѣ Аржантина пало здѣсь множество благородныхъ рыцарей Англійскихъ. Барбуръ говоритъ, что послѣ сраженія нашли двѣсти паръ золотыхъ шпоръ; но сочинитель можетъ прибавить, что это еще не все; ибо онъ имѣетъ бопытдревнія золотыя шпоры, очень не-ныя, которыя недавно отысканы въ болотѣ.

КОНЕЦЪ.